

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Карл ЯСПЕРС
Жан БОДРИЙАР

ПРИЗРАК ТОЛПЫ

Мы живем в постоянном вос-
произведении идеалов, фантаз-
мов, образов, мечтаний, кото-
рые уже присутствуют рядом с
нами и которые нам, в нашей
ролевой безучастности, необхо-
димо возрождать снова и снова.

2023

**Жан Бодрийар
Карл Ясперс
Призрак толпы (сборник)**

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2828545
Призрак толпы: Алгоритм; М.: 2007
ISBN 978-5-9265-0329-3

Аннотация

В данное издание включены работы известного философа двадцатого столетия Карла Ясперса и выдающегося современного мыслителя Жана Бодрийара, посвященные проблемам существования «массового общества». По мнению авторов, это общество построено на иллюзорных представлениях о смысле и предназначении человеческого бытия. основополагающие принципы такого социума сами по себе являются не более чем фантомами, призраками, или, по определению Бодрийара, «симулякрами» (симуляцией) действительности.

Содержание

Предисловие от редакции	4
ЧАСТЬ I	7
ВВЕДЕНИЕ	8
Возникновение эпохального сознания	9
Истоки современного положения	13
Ситуация вообще	16
МАССОВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ И ЕГО УСЛОВИЯ	21
Сознание и век техники	22
Господство аппарата	24
Господство массы	25
ГРАНИЦЫ ПОРЯДКА СУЩЕСТВОВАНИЯ	28
Современная софистика. Язык маскировки и возмущения	29
Нежелание принимать решения	30
Дух как средство	31
Невозможность постоянного порядка существования	31
Универсальный аппарат существования и мир	33
существования человека	
Жизнь в доме	34
Страх перед жизнью	36
Проблема радости труда	37
Спорт	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Карл Ясперс, Жан Бодрийар

Призрак толпы

Предисловие от редакции

Карл Ясперс является одним из самых ярких представителей мировой философии XX века. Он оказал существенное влияние на развитие экзистенциализма, но все же нельзя причислять Ясперса к адептам экзистенциалистской школы без всяких оговорок. В поздних работах он предпочитал говорить о «философии разума» или «мировой философии», а не о «философии существования». Именно с этой точки зрения Ясперс пытался оценить то новое общество, которое формировалось в развитых странах мира в двадцатом столетии. Он неоднократно вспоминал слова Гёте, в какой-то мере ставшие девизом творчества и самого Ясперса: «Человечество станет умнее и рассудительнее, но не лучше, счастливее и деятельнее. Я предвижу время, когда человечество не будет больше радовать Бога, и он будет вынужден вновь все разрушить для обновленного творения».

Эпоха «технического развития» (четвертая в истории человечества по хронологии Ясперса) настораживает философа бездумным стремлением поставить все планетарное бытие на службу удовлетворения сиюминутных потребностей человека. Это вызывает, с одной стороны, стремление преобразовать мир по шаблонам, определяемым такой задачей; с другой стороны, – чувство беспомощности от того, что мир не желает подчиниться столь узкому прагматическому подходу к его преобразованию. «Гордость нынешнего универсального постижения и высокомерная уверенность в том, что человек в качестве господина мира может по своей воле сделать его устройство поистине наилучшим, превращаются на всех открывающихся границах в сознание подавляющей беспомощности», – пишет Ясперс.

Новая идеология, пронизывающая все сферы социальной жизни, оказывается, по своей сути, фантомом, отравляющим мышление эфемерностью установочных понятий: «Распространилось сознание того, что все стало несостоятельным; нет ничего, что не вызывало бы сомнения, ничто подлинное не подтверждается; существует лишь бесконечный круговорот, состоящий во взаимном обмане и самообмане посредством идеологий. Сознание эпохи отделяется от всякого бытия и заменяется только самим собой. Тот, кто так думает, ощущает и самого себя как ничто. Его сознание конца есть одновременно сознание ничтожности его собственной сущности. Отделившееся сознание времени перевернулось... Общим сегодня является не человеческое бытие как всепроникающий дух, а расхожие мысли и лозунги, средства сообщения и развлечения».

«Техническая» эпоха требует от индивида исполнения означенных функций и подавляет все то, что не связано напрямую с поставленным заданием. Мир становится донельзя прагматичным, и знания приобретают исключительно прикладной характер. «От людей ждут не рассуждений, а знаний, не размышлений о смысле, а умелых действий, не чувств, а объективности, не раскрытия действия таинственных сил, а ясного установления фактов», – отмечает Ясперс.

Далее он говорит о последствиях подобного подхода для общества и человека: «Индивид распадается на функции. Быть означает быть в деле; там, где ощущалась бы личность, деловитость была бы нарушена.

Деловитость способствует также безграничному интересу к общей всем сфере инстинктивного: это выражается в воодушевлении массовым и чудовищным, созданиями техники, огромным скоплением народа, публичными сенсациями, вызванными делами, сча-

ством и ловкостью отдельных индивидов; в утонченной и грубой эротике, в играх, приключениях и даже в способности рисковать жизнью».

Законы «технической» эпохи неумолимо диктуют определенные нормы поведения всему человечеству: «Едиными становятся не только моды, но и правила общения, жесты, манеры говорить, характер сообщения... Всеобщим сегодня всегда становится поверхностное, ничтожное и безразличное».

Ясперс подробно разбирает состояние современного ему общества, создает подлинную энциклопедию социума, не оставляя в стороне ни одно сколь-нибудь значимое проявление общественной жизни. Политика, экономика, различные науки, спорт, искусство, средства массовой информации, семья, воспитание и образование, – все подвергается философom тщательному анализу, во всем видит он влияние эры «технического развития».

Итоги его размышлений таковы: мир вступил в полосу затяжного кризиса, в ходе которого все технические и экономические проблемы принимают планетарный характер. Кризис сопровождается неизбежными военными столкновениями, причинами которых являются «уверенность в бесспорном превосходстве, считающая собственное существование единственно истинным; неспособность стать на точку зрения другого, исходить из его ситуации, не предавая себя; страх, требующий уверенности и обретающий ее лишь в превосходстве над всеми; удовольствие от власти как таковой; отсутствие истины в отношении к себе и другим, в результате чего жизнь становится хаосом, из которого ищут насильственный выход, слепое утверждение, неодолимая страсть и влечение во тьму». Следует заметить, что Ясперс написал это накануне Второй мировой войны, предвидя грядущую трагедию, но и у современного читателя возникает ощущение той опасности, о которой предупреждал тогда человечество Карл Ясперс.

Одним из путей выхода из тупика, и, может быть, главным, философ считал возврат на новом уровне к ценностям предыдущей исторической эпохи «осевого времени», когда были заложены основы духовного развития всех мировых цивилизаций, сформировались традиции самобытных культур. «Человек в своей оставленности должен не только, понимая, научиться ориентироваться в действительности, но вновь принадлежать к сообществу, которое, выходя за пределы профессиональной принадлежности и партийности, сближает человека с человеком как таковым; вновь должен возникнуть народ», – призывал Ясперс.

* * *

Жан Бодрийяр стал свидетелем дальнейшей эволюции «массового» общества, общества «потребления и деловитости», столь блестяще проанализированного Карлом Ясперсом. Бодрийяр относится к тем редким философам, которые отстаивают свои взгляды не только на страницах книг или в научных дискуссиях, но и в настоящих баталиях. Он активно участвовал в революционных событиях 1968 года во Франции, находясь на левом фланге французских интеллектуалов-бунтарей, вел упорную борьбу с глобализмом и так называемым «новым мировым порядком». Книги Бодрийяра пользовались и пользуются большой популярностью среди самых широких слоев европейской общественности, не приемлющих наступления эпохи нивелированного массового сознания.

Призрачность мира на рубеже второго и третьего тысячелетия новой эры Бодрийяр считает следствием отсутствия целостного восприятия мироздания, в результате чего единство мира заменяется фрагментами, многополярностью, существованием фантомов, у которых нет подтверждения в реальности. Одним из основных терминов философского словаря Бодрийяра является понятие «симулякра», который представляет собой всего лишь симуляцию реальности, но не ее отображение, поскольку и самой-то реальности теперь нет. Един-

ственное, что существует, это симулятивная «гиперреальность» с эмблемами, моделями и кодами.

Мир стал призрачным, и все в нем стало иллюзорным: политика, превратившаяся в «гиперполитику» или «трансполитику», экономика, ставшая «трансэкономикой», искусство, перешедшее в «трансискусство» и т. д. Все связи в этой симулятивной «гиперреальности» приобрели виртуальный характер; даже любовь и секс все больше и больше становятся очередными «симулякрами».

«Происходит взаимное заражение всех категорий, замена одной сферы другой, смешение жанров...» – пишет Бодрийяр. «Политика не сосредоточена более в политике, она затрагивает все сферы: экономику, науку, искусство, спорт... И спорт уже вышел за рамки спорта – он в бизнесе, в сексе, в политике, в общем стиле достижений. Все затронуто спортивным коэффициентом превосходства, усилия, рекорда, инфантильного самопреодоления. Каждая категория, таким образом, совершает фазовый переход, при котором ее сущность разжижается в растворе системы до гомеопатических, а затем до микроскопических доз – вплоть до полного исчезновения, оставляя лишь неуловимый след, словно на поверхности воды».

Нормы морали и веры, категории возвышенного, «величественный императив смысла» в призрачном мире – пропадают, уходят в прошлое, заменяются «плоской ритуальностью и оскверняющей имитацией».

И народа больше нет, – есть массы, освобожденные от каких либо высоких идеалов. В полную силу развернулась работа «по поглощению и уничтожению культуры, знания, власти, социального».

Тот кризис человеческого бытия, о котором писал еще Ясперс, достиг, по-видимому, своей высшей фазы. Бодрийяр говорит о «тошноте», ощущаемой миром людей, о болезненном состоянии этого мира, который «размножается, гипертрофируется и никак не может разродиться».

Бодрийяр уверен, что такое состояние не может длиться бесконечно. Что ждет нас дальше – вселенская катастрофа, конец света или в муках родится новый мир, будет построено новое социальное мироздание? Бодрийяр оставляет этот вопрос без ответа и не спешит делать оптимистические прогнозы на будущее...

ЧАСТЬ I

Карл Ясперс. ВЛАСТЬ МАССЫ

из книги «Духовная ситуация времени»
Перевод М.И. Левина

ВВЕДЕНИЕ

Было время, когда человек ощущал свой мир как непреходящий, таким, как он существует между исчезнувшим золотым веком и предназначенным божеством концом. В этом мире человек строил свою жизнь, не пытаясь изменить его. Его деятельность была направлена на улучшение своего положения в рамках самих по себе неизменных условий. В них он ощущал себя защищенным, единым с землей и небом. Это был его мир, хотя в целом он и представлялся ему ничтожным, ибо бытие он видел в трансцендентности.

В сравнении с таким временем человек оказывается оторванным от своих корней, когда он осознает себя в исторически определенной ситуации человеческого существования. Он как будто не может более удерживать бытие. Как человек жил раньше в само собой разумеющемся единстве своего действительного существования и знания о нем, становится очевидным только нам, кому жизнь человека прошлого представляется протекающей в некоей сокрытой от него действительности. Мы же хотим проникнуть в основание действительности, в которой мы живем; поэтому нам представляется, будто мы теряем почву под ногами; ибо после того, как не вызывающее сомнения единство оказалось разбито вдребезги, мы видим только существование, с одной стороны, осознание нами и другими людьми этого существования – с другой. Мы размышляем не только о мире, но и о том, как он понимается, и сомневаемся в истине каждого такого образа; за видимостью каждого единства существования и его осознания мы вновь видим разницу между действительным миром и миром познанным. Поэтому мы находимся внутри некоего движения, которое в качестве изменения знания вынуждает измениться существование и в качестве изменения существования, в свою очередь, вынуждает измениться познающее сознание. Это движение втягивает нас в водоворот безостановочного преодоления и созидания, утрат и приобретений, который увлекает нас за собой только для того, чтобы мы на мгновение могли остаться деятельными на своем месте во все более ограниченной сфере власти. Ибо мы живем не только в ситуации человеческого бытия вообще, но познаем ее каждый раз лишь в исторически определенной ситуации, которая идет от иного и гонит нас к иному.

Поэтому в сознании данного движения, в котором мы сами участвуем и фактором которого являемся, скрывается некая странная двойственность: поскольку мир не окончательно таков, какой он есть, человек надеется обрести покой уже не в трансцендентности, а в мире, который он может изменить, веря в возможность достигнуть совершенства на земле. Однако, поскольку отдельный человек даже в благоприятных ситуациях всегда обладает лишь ограниченными возможностями и неизбежно видит, что фактически успехи его деятельности в значительно большей степени зависят от общих условий, чем от его представлений о цели, поскольку он при этом осознает, насколько узость сферы его власти ограничена по сравнению с абстрактно мыслимыми возможностями, и поскольку, наконец, процесс развития мира, не соответствующий в своем реальном ничьему желанию, становится сомнительным по своему смыслу, в настоящее время возникло специфическое ощущение беспомощности. Человек понимает, что он зависим от хода событий, который он считал возможным направить в ту или иную сторону. Религиозное воззрение как представление о ничтожности мира перед трансцендентностью не было подвластно изменению вещей; в созданном Богом мире оно было само собой разумеющимся и не ощущалось как противоположность иной возможности. Напротив, гордость нынешнего универсального постижения и высокомерная уверенность в том, что человек в качестве господина мира может по своей воле сделать его устройство поистине наилучшим, превращаются на всех открывающихся границах в сознание подавляющей беспомощности. Как человеку удастся приспособиться к этому и выйти из такого положения, встав над ним, – является основным вопросом современной ситуации.

Человек – существо, которое не только есть, но и знает, что оно есть. Уверенный в своих силах, он исследует окружающий его мир и меняет его по определенному плану. Он вырвался из природного процесса, который всегда остается лишь неосознанным повторением неизменного; он – существо, которое не может быть полностью познано просто как бытие, но еще свободно решает, что оно есть; человек – это дух, ситуация подлинного человека – его духовная ситуация. Тот, кто захочет уяснить эту ситуацию как ситуацию современную, задаст вопрос: как до сих пор воспринималась ситуация человека? Как возникла современная ситуация? Что означает вообще «ситуация»? В каких аспектах она проявляется? Какой ответ дается сегодня на вопрос о человеческом бытии? Какая будущность ждет человека? Чем яснее удастся ответить на эти вопросы, тем решительнее знание приведет нас к состоянию незнания, и мы окажемся у тех границ, соприкасаясь с которыми человек начинает понимать себя как существо одиночное.

Возникновение эпохального сознания

Критика времени так же стара, как сознающий самого себя человек. Наша – коренится в христианском представлении об истории как некоем упорядоченном согласно замыслу спасения процессе. Это представление уже не разделяется нами, но наше понимание времени возникло из него или в противоположность ему. Согласно этому замыслу спасения, когда исполнилось время, пришел Спаситель; с его приходом история завершается, теперь предстоит лишь ждать и готовиться к наступлению суда; то, что происходит во времени, уподобляется миру, ничтожество которого очевидно и конец которого неизбежен. По сравнению с другими представлениями – о круговороте вещей, о возникновении человеческой культуры, о смысле мирского устройства – христианское представление обладает для отдельного человека ни с чем не сравнимой убедительностью благодаря своей универсальности, благодаря неповторимости и неотвратимости своей концепции истории и благодаря отношению к Спасителю. Осознание эпохи как времени решения, несмотря на то что эпоха была для христианина миром вообще, чрезвычайно усилилось.

Эта концепция истории была сверхчувственной. Ее события (грехопадение Адама, откровение Бога Моисею и избранность еврейского народа, пророчество) являются либо в качестве прошлых – не допускающими постижение, либо в качестве будущих – концом мира. Вызывая безразличие, мир в его имманентности, по существу, лишен истории. Лишь превращение этой трансцендентной концепции в видение мира как имманентного движения при сохранении сознания о неповторимости истории как целого пробудило сознание, которое увидело отличие своего времени от всякого иного и, пребывая в нем, воодушевилось патетической верой в то, что благодаря ему незаметно или посредством сознательного действия что-либо решится.

Начиная с XVI в., цепь больше не рвется; в последовательности поколений одно звено передает другому сознание эпохи. Началось это с сознательной секуляризации человеческого существования. Возрождение античности, новые планы и их реализация в технике, искусстве, науке привели в движение небольшую, но влиятельную в Европе группу людей. Ее настроенность хорошо передана в словах Гуттена: пробуждается дух, жить радостно. В течение веков открытия сменяли друг друга: открытия морей и неизведанных стран Земли, открытия в астрономии, в естествознании, в технике, в области рационализации государственного управления. Это сопровождалось сознанием общего прогресса, которое достигло своей вершины в XVIII в. Казалось, что путь, который вел раньше к концу мира и Страшному суду, ведет теперь к завершению человеческой цивилизации. Против этой удовлетворенности выступил Руссо. С того момента, когда он в 1749 г. в сочинении на вопрос объявленного конкурса, способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов,

ответил, что они их испортили, началась критика культуры, которая с тех пор сопровождает веру и прогресс.

В мышлении эпохи произошел сдвиг. Возникнув как духовная жизнь фактически немногих людей, считавших, что они – представители времени, оно обратилось к блеску упорядоченной государственной жизни и, наконец, к самому бытию людей. Теперь были созданы предпосылки, благодаря которым стала действительностью мысль, что с помощью человеческого разума можно не принимать существование человека таким, как оно сложилось, а планомерно изменять его, превратив в такое, каким оно действительно должно быть. Французская революция была событием, примера которому история не знала. Рассматриваемая как начало того времени, когда человек, руководствуясь принципами разума, сам будет определять свою судьбу, французская революция пробудила в сознании самых выдающихся людей Европы восторженное воодушевление.

Несмотря на все нововведения предшествующих веков, люди того времени не стремились к преобразованию общества. Так, для Декарта, хотевшего следовать нравам и законам своей родины, решаясь на новое лишь в глубинах духа, не было смысла в намерениях отдельного человека произвести реформы в государстве, изменяя в нем все, начиная с основания, и уничтожая его, чтобы потом вновь восстановить. Английская революция XVII в. еще коренится в религии и в ощущении мощи своей родины. Правда, протестантизм обновил христианство, вернув его к истокам, но не секуляризировал его, напротив, в противоположность обмирщению церкви, утвердил его строго и безусловно. Это сделало возможной героическую борьбу кромвелевских святых, которые под его началом хотели в своем служении Богу привести избранный народ Англии к существованию, угодному Богу и служащему его прославлению в мире. Только французская революция совершалась в сознании того, что существование людей должно быть в корне преобразовано разумом после того, как исторически обретенный образ, признанный дурным, будет уничтожен. Ее предшественниками можно считать только тех основавших американские колонии протестантов, которые, исходя из безусловности своей веры, покинули родину, чтобы на новой почве осуществить то, что потерпело неудачу в отчизне; в начинавшейся секуляризации они прониклись идеей общих прав человека.

Ход французской революции был неожиданным – она превратилась в противоположность тому, что служило ее началом. Воля, направленная на установление свободы человека, привела к террору, уничтожившему свободу полностью. Реакция на революцию росла. Возможность предотвратить ее повторение была возведена в принцип политики европейских государств. Со времени революции людей охватило беспокойство по поводу их существования в целом, ответственность за которое они несут сами, так как оно может быть изменено в соответствии с определенным планом и устроено наилучшим образом. Предвидение Канта (1798) сохранило свое значение вплоть до настоящего времени: «Подобный феномен не забывается, ибо он открыл задатки человеческой природы и ее способность к лучшему, что до той поры не уразумел из хода вещей ни один политик».

Со времени французской революции, в самом деле, живет специфически новое сознание эпохального значения времени. В XIX в. оно расщепилось: вере в прекрасное будущее противостоит ужас перед развертывающейся бездной, от которой нет спасения; в некоторых случаях успокоение приносит мысль о переходном характере времени, которая с тех пор умиротворяет и удовлетворяет при каждой трудности слабых духом людей.

Прошлый век создал историческое осознание времени в философии Гегеля, в этой философии было высказано немыслимое до той поры богатство исторического содержания и применен поразительно привлекательный и выразительный метод диалектики в соединении с пафосом чрезвычайного значения настоящего. Диалектика показала, как человеческое сознание преобразуется посредством самого себя: каждое сознание проходит в своем суще-

ствовании ряд стадий благодаря знанию о себе; каждое мнение и знание изменяют того, кто знает именно так; измененный, он должен искать в мире новое знание о себе; так, теряя покой, он, поскольку бытие и сознание принимают в своем разделении все новый образ, переходит от одного к другому – это исторический процесс человека. Как проходит этот процесс, Гегель показал в таком многообразии и с такой глубиной, которые и сегодня еще не достигнуты. В этом мышлении беспокойство человеческого самосознания познало себя, хотя оно еще и находило метафизическое укрытие в тотальности духа, которому принадлежит все особенное во времени, ибо в нем временное колебание исторического знания человека всегда есть совершенный покой вечности.

Диалектика бытия и сознания, которая может быть понята не только интеллектуально, но во всей своей содержательной полноте (понята тем, что – посредством предъявления требований к самому себе – есть возможность великой души), была искажена в марксизме тезисом о превращении бытия в однозначно определяемое бытие человеческой истории, а именно в материальное бытие средств производства.

Диалектика была низведена до уровня простого метода и лишена как содержания исторического бытия человека, так и метафизики. Однако она сделала возможной постановку вопросов, послуживших поводом для плодотворного исследования отдельных историко-социальных связей. Но вместе с тем она сделала возможными ложно освященные ореолом науки лозунги, превратившие глубокое историческое сознание времени в исконном мышлении в разменную монету. В конце концов, отпала и диалектика. Против марксизма выступили в своей слепой диалектике материалистические и экономические упрощения и варианты натурализации человеческого бытия, основанные на различии рас. В них было утеряно подлинное историческое сознание времени.

В диалектике Гегеля картина всеобщей мировой истории служила образом, в котором настоящее понимало само себя; оставалась другая возможность – отстраниться от конкретной истории с ее далеким богатством и полностью направить все внимание на настоящее. Уже Фихте занимался такой критикой времени в своих «Основных чертах современной эпохи», правда, основываясь на абстрактной конструкции всемирной истории от ее начала до ее завершения (в качестве секуляризации христианской философии истории) и устремляя взор на ее самую низкую точку – на современность как эпоху совершенной греховности. Первую обширную критику своего времени, отличающуюся по своей серьезности от всех предшествующих, дал Кьеркегор. Его критика впервые воспринимается как критика и нашего времени, она воспринимается так, будто написана вчера. Кьеркегор ставит человека перед ничто. Ницше, не зная Кьеркегора, выступил через несколько десятилетий его последователем. Он предвидел появление европейского нигилизма, неумолимо поставив диагноз своему времени. Оба философа воспринимались их современниками как чудачки, которые вызвали, правда, сенсацию, но к которым серьезно относиться нельзя. Эти философы предрекли будущее, исходя из того, что уже существовало, но еще никого не беспокоило. Поэтому они только теперь стали вполне современными мыслителями.

Через XIX в. проходило, по сравнению с Кьеркегором и Ницше, более мрачное осознание времени. В то время как публика была удовлетворена образованием и прогрессом, ряд самостоятельно мыслящих людей были полны мрачных предчувствий. Гёте мог сказать: «Человечество станет умнее и рассудительнее, но не лучше, счастливее и деятельнее. Я предвижу время, когда человечество не будет больше радовать Бога, и он будет вынужден вновь все разрушить для обновленного творения». Нибур, испуганный июльской революцией, в 1830 г. писал: «Теперь нам, если Бог не поможет чудом, предстоит разрушение, подобное тому, которое испытал римский мир около середины III века нашего летосчисления: уничтожение благосостояния, свободы, образования, науки». Несмотря на то, что уже Талейран сказал, что подлинную сладость жизни знали только те, кто жил до 1789 г., теперь, когда мы

ретроспективно взираем на десятилетия до 1830 г., они представляются нам днями счастливого покоя, блаженным временем. Так это и идет: каждое новое поколение ощущает упадок и, обращая свой взор к прошлому, видит сияющим то, что само уже ощущало себя погибшим. Токвиль считал (1835) возникающую демократию не только неизбежной, но и исследовал ее в ее особенности; вопрос заключался для него не в том, как ее предотвратить, а как направить ее развитие таким образом, чтобы разрушения были минимальны. Многие различали сопутствующее ей варварство. Буркгардт пророчески испытывал перед ней губочайший ужас. До этого (1829) с трезвой объективностью вывел свои заключения Стендаль: «По моему мнению, свобода в течение ста лет убьет эстетическое восприятие. Оно безнравственно, ибо совращает, ведя к блаженству любви, к пассивности и к преувеличению. Представим себе, что человека, обладающего эстетическим восприятием, ставят во главу строительства канала; вместо того чтобы холодно и разумно закончить строительство, он полюбит этот канал и наделает глупостей». «Двухпалатная система завоюет мир и нанесет изящным искусствам смертельный удар. Вместо того чтобы построить прекрасную церковь, властители будут помышлять об инвестициях своего капитала в Америке, чтобы при неблагоприятных обстоятельствах остаться богатыми людьми. При господстве двухпалатной системы я предвижу две вещи: они никогда не истратят двадцать миллионов в течение пятидесяти лет, чтобы создать нечто подобное собору святого Петра; они введут в салоны множество почтенных, очень богатых людей, лишенных, однако, благодаря своему воспитанию того тонкого такта, без которого невозможно восторгаться искусством». Художникам, которые хотят чего-либо достигнуть в обществе, следует посоветовать: «Становитесь владельцами сахарных заводов или фабрикантами фарфора, тогда вы скорее станете миллионерами и депутатами». Ранке пишет об упадке в дневниковой записи 1840 г.: «Прежде великие убеждения были всеобщими; на их основе строили свою дальнейшую деятельность. Теперь же все является, так сказать, призывом, и это все. Ничто больше не проникает в душу, все тонет в тишине. Достигает успеха тот, кто высказывает настроение своей партии и находит у нее понимание». Политик Кавур видит неизбежность демократии так же, как и исследователь Токвиль. В письме 1835 г. Кавур пишет: «Мы не можем больше обманывать себя, общество большими шагами движется к демократии... Аристократия быстро гибнет... Для патрициата нет больше места в сегодняшней организации общества. Какое же оружие остается еще в борьбе с поднимающимися народными массами? У нас нет ничего прочного, ничего действительного, ничего постоянного. Хорошо это или плохо? Не знаю. Но, по моему мнению, это неизбежное будущее людей. Подготовимся же к этому или подготовим к нему, по крайней мере, наше потомство». Он видит, что современное общество «фатально движется в своем развитии в сторону демократии», а «пытаться препятствовать ходу событий означало бы поднять бурю, не обладая возможностью привести корабль в гавань».

Рассматривается ли время под углом зрения политики, благополучия людей, процветания искусства или оставшейся еще возможности человеческого существования, ощущение опасности проходит через все последнее столетие: человек ощущает угрозу. Подобно тому, как христианин, ожидая упадка мира как мира, держится за благую весть и находит вне мира то, что ему только и было нужно, так теперь некоторые, ожидая гибели мира, держатся за свою убежденность в созерцании сущностного. Гегель, видя упадок своего времени, признает, что умиротворена должна быть сама действительность, а не только философия. Ибо философия в качестве умиротворения человека есть лишь частичная всеобщность, без внешней. «Она в этом отношении – лишь обособленное святилище, и ее служители составляют лишь изолированную группу священников, которым нельзя идти вместе с миром, а следует хранить владение истиной. Как временная, эмпирическая современность выйдет из состояния разлада, следует предоставить решить ей самой; это не есть непосредственное практическое дело философии». Шиллер пишет: «Мы хотим быть и остаться гражданами

нашего времени, так как иначе быть не может, однако по своему духу философ и поэт обладают привилегией – и в этом их долг – не принадлежать ни одному народу и ни одному времени, но оставаться в подлинном смысле слова современником всех времен». В других случаях пытаются вернуться к христианству, как это делает Грундтвиг: «Наша эпоха находится на перепутье, быть может, на самом резком повороте, известном истории; старое исчезло, а новое колеблется, не зная спасения; никто не решит загадку будущего, где же найти нам покой души, если не в слове, которое будет незыблемо стоять, когда смешаются Земля и Небо и миры будут свернуты, как ковер?» Им всем, однако, противостоит Кьеркегор; он жаждет христианства в его исконной подлинности таким, каким оно только и может быть теперь в такое время: как мученичество отдельного человека, который сегодня уничтожается массой и избегает фальши благополучия в качестве пастора или профессора в сфере объективной теологии или активной философии, в качестве агитатора или стремящегося к правильному устройству мира; он не может указать времени, того, что надлежит делать, но может заставить почувствовать, что оно лишено истины.

Эти выдержки из документов, свидетельствующих о сознании времени преимущественно в первую половину XIX в., можно было бы бесконечно увеличивать. Почти все мотивы критики современности оказываются вековой давности. Перед войной и в ходе войны появились наиболее известные отражения нашего мира: «Критика нашего времени» Ратенау (1912) и «Закат Европы» Шпенглера (1918). Ратенау дает проникновенный анализ механизации нашей жизни, Шпенглер – богатую материалом и наблюдениями натуралистическую философию истории, в которой упадок утверждается как необходимое в определенное время и соответствующее закону морфологии культур явление. Новое в этих попытках составляет близость к материалу современности, подтверждение мыслей автора количественно увеличившимся материалом (ибо мир приблизился к тому, что раньше наблюдалось лишь в начатках, к проникновению мыслей в самые далекие сферы) и все более отчетливое пребывание перед ничто. Ведущими мыслителями являются Кьеркегор и Ницше. Однако христианство Кьеркегора не нашло последователя; вера ницшевского Заратустры не принимается. Но к тому, как оба мыслителя открывают «ничто», после войны прислушиваются, как никогда раньше.

Распространилось сознание того, что все стало несостоятельным; нет ничего, что не вызывало бы сомнения, ничто подлинное не подтверждается; существует лишь бесконечный круговорот, состоящий во взаимном обмане и самообмане посредством идеологий. Сознание эпохи отделяется от всякого бытия и заменяется только самим собой. Тот, кто так думает, ощущает и самого себя как ничто. Его сознание конца есть одновременно сознание ничтожности его собственной сущности. Отделившееся сознание времени перевернулось.

Истоки современного положения

Вопрос о современной ситуации человека как результате его становления и его шансов в будущем поставлен теперь острее, чем когда-либо. В ответах предусматривается возможность гибели и возможность подлинного начинания, но решительный ответ не дается.

То, что сделало человека человеком, находится за пределами переданной нам истории. Орудия в постоянном владении, создание и употребление огня, язык, преодоление половой ревности и мужское товарищество при создании постоянного общества подняли человека над миром животных.

По сравнению с сотнями тысячелетий, в которых, по-видимому, совершались эти недоступные нам шаги к тому, чтобы стать человеком, зримая нами история приблизительно в 6000 лет занимает ничтожное время. В нем человек выступает как существо, распространившееся на поверхности Земли в множестве различных типов, которые лишь очень мало

связаны или вообще не связаны друг с другом и не знают друг друга. Из их числа человек западного мира, который завоевал земной шар, способствовал тому, чтобы люди узнали друг друга и поняли значение своей взаимосвязанности внутри человечества, выдвинулся посредством последовательного проведения следующих принципов: ни перед чем не останавливающаяся рациональность, основанная на греческой науке, ввела в существование господство техники и счета. Общеизвестное научное исследование, способность к предвидению правовых решений в рамках формального, созданного Римом права, калькуляция в экономических предприятиях, вплоть до рационализации всей деятельности, в том числе и той, которая в процессе рационализации уничтожается, – все это следствие позиции, безгранично открытой принуждению логической мысли и эмпирической объективности, которые постоянно должны быть понятны каждому.

Субъективность самобытия ярко проявляется у еврейских пророков, греческих философов и римских государственных деятелей. То, что мы называем личностью, сложилось в таком облике в ходе развития человека на Западе и с самого начала было связано с рациональностью в качестве ее коррелята. В отличие от восточного неприятия мира и связанной с этим возможностью «ничто» как подлинного бытия западный человек воспринимает мир как фактическую действительность во времени. Лишь в мире, а не вне мира он обретает уверенность в себе. Самобытие и рациональность становятся для него источником, из которого он безошибочно познает мир и пытается господствовать над ним.

Эти три принципа утвердились лишь в последних столетиях. XIX в. принес их полное проявление вовне. Земной шар стал повсюду доступен, пространство распределено. Впервые планета стала единым всеобъемлющим местом поселения человека. Все взаимосвязано. Техническое господство над пространством, временем и материей растет беспредельно уже не благодаря случайным отдельным открытиям, а посредством планомерного труда, в рамках которого само открытие становится методическим и достижимым.

После тысячелетней обособленности развития человеческих культур в последние четыре с половиной века шел процесс завоевания мира европейцами, а последнее столетие знаменовало завершение этого процесса. Это столетие, в котором движение совершалось ускоренным темпом, знало множество личностей, полностью зависевших от самих себя, знало гордыню вождей и правителей, восторг первооткрывателей, отвагу, основывающуюся на расчете, знание предельных границ; оно знало также глубину духа, сохраняющуюся в подобном мире. Сегодня мы воспринимаем этот век как наше прошлое. Произошел переворот, содержание которого мы воспринимаем, правда, не как нечто позитивное, а как нагромождение неизмеримых трудностей: завоевание внешних территорий натолкнулось на предел; расширяющееся вовне движение как бы натолкнулось на самое себя.

Принципы западного человека исключают простое повторение по кругу. Постигнутое сразу же рационально ведет к новым возможностям. Действительность не существует как сущая определенным образом, она должна быть охвачена постижением, которое является одновременно вмешательством и действием. Быстрота движения росла от столетия к столетию. Нет больше ничего прочного, все вызывает вопросы и втянуто в возможное преобразование при внутреннем трении, неизвестном XIX в.

Ощущение разрыва со всей предыдущей историей присуще всем. Но новое не является таким преобразованием общества, которое влечет за собой разрушение, перемещение имущества, уничтожение аристократии. Более чем четыре тысячи лет тому назад в Древнем Египте произошло то, что папирус описывает следующим образом: «Списки отняты, писцы уничтожены, каждый может брать зерна, сколько захочет... Подданных больше нет... страна вращается, как гончарный круг: высокие сановники голодают, а горожане вынуждены сидеть у мельницы, знатные дамы ходят в лохмотьях, они голодают и не смеют говорить... Рабыням дозволено разглагольствовать, в стране грабежи и убийства... Никто больше не решается

возделывать поля льна, с которых снят урожай; нет больше зерна, голодные люди крадут корм у свиней. Никто не стремится больше к чистоте, никто больше не смеется, детям надоело жить. Людей становится все меньше, рождаемость сокращается, и остается лишь желание, чтобы все это скорее кончилось. Нет ни одного должностного лица на месте, и страну грабят несколько безрассудных людей царства. Начинается эра господства черни, она возвышается над всем и радуется этому по-своему. Эти люди носят тончайшие льняные одежды и умащают свою плешь мирром... Своему богу, которым они раньше не интересовались, они теперь курят фимиам, правда, фимиам другого. В то время как те, кто не имел ничего, стали богаты, прежние богатые люди лежат беззащитными на ветру, не имея постели. Даже сановники старого государства вынуждены в своем несчастье лстыть поднявшимся выскочкам».

Не может быть это новое и тем сознанием зыбкости и плохих условий, в которых нет более ничего надежного, о котором повествует Фукидид, описывая поведение людей в период Пелопоннесской войны.

Для характеристики этого нового мысль должна проникнуть глубже, чем при рассмотрении общих для человечества возможностей переворота, беспорядка, упадка нравов. Спецификой Нового времени является со времени Шиллера разбожествление мира. На Западе этот процесс совершен с такой радикальностью, как нигде. Существовали неверующие скептики в Древней Индии и в античности, для них имело значение только чувственно данное, к захвату которого они, хотя и считая его, правда, ничтожным, устремлялись без каких-либо угрызений совести. Однако они еще совершали это в таком мире, который фактически и для них оставался как целое одухотворенным. На Западе как следствие христианства стал возможным иной скепсис: концепция надмирового Бога-творца превратила весь сотворенный им мир в его создание.

Из природы были изгнаны языческие демоны, из мира – боги. Сотворение стало предметом человеческого познания, которое сначала как бы воспроизводило в своем мышлении мысли Бога. Протестантское христианство отнеслось к этому со всей серьезностью; естественные науки с их рационализацией, математизацией и механизацией мира были близки этой разновидности христианства. Великие естественники XVII и XVIII вв. оставались верующими христианами. Но когда, в конце концов, сомнение устранило Бога-творца, в качестве бытия остался лишь познаваемый в естественных науках механизированный образ, что без предшествующего сведения мира к творению никогда бы с такой резкостью не произошло.

Это разбожествление – не неверие отдельных людей, а возможное последствие духовного развития, которое в данном случае в самом деле ведет в ничто. Возникает ощущение никогда ранее не испытанной пустоты бытия, по сравнению с которой самое радикальное неверие античности было защищено полнотой образов еще сохраненной мифической действительности; она сквозит и в дидактической поэме эпикурейца Лукреция. Такое развитие не является, правда, неотвратимо обязательным для сознания, ибо оно предполагает искажение смысла точных наук в познании природы и абсолютизацию, перенесение их абсолютизированных категорий на бытие в целом. Однако оно возможно и стало действительностью, чему способствовали громадные технические и практические успехи названного познания. То, что ни один бог за тысячелетие не сделал для человека, человек делает сам. Вероятно, он надеялся узреть в этой деятельности бытие, но, испуганный, оказался перед им самим созданной пустотой.

Современность сравнивали со временем упадка античности, со временем эллинистических государств, когда исчез греческий мир, и с третьим веком после рождения Христа, когда погибла античная культура. Однако есть ряд существенных различий. Прежде речь шла о мире, занимавшем небольшое пространство земной поверхности, и будущее человека еще было вне его границ. В настоящее время, когда освоен весь земной шар, все, что остается от человечества, должно войти в цивилизацию, созданную Западом. Прежде населе-

ние уменьшалось, теперь оно выросло в неслыханных ранее размерах. Прежде угроза могла прийти только извне, теперь внешняя угроза для целого может быть лишь частичной, гибель, если речь идет о гибели целого, может прийти только изнутри. Самое очевидное отличие от ситуации третьего века состоит в том, что тогда техника была в состоянии стагнации, начинался ее упадок, тогда как теперь она в неслыханном темпе совершает свое неудержимое продвижение.

Тем внешне наблюдаемым новым, что с этого времени должно служить основой человеческого существованию и ставить перед ним новые условия, является это развитие технического мира. Впервые начался процесс подлинного господства над природой. Если представить себе, что наш мир погибнет под горами песка, то последующие раскопки не поднимут на свет прекрасные произведения искусства, подобные античным (нас до сих пор восхищают античные мостовые); от последних веков Нового времени останется по сравнению с прежними такое количество железа и бетона, что станет очевидным: человек заключил планету в сеть своей аппаратуры. Этот шаг имеет по сравнению с прежним временем такое же значение, как первый шаг к созданию орудий вообще: появляется перспектива превращения планеты в единую фабрику по использованию ее материалов и энергий. Человек вторично прорвал замкнутый круг природы, покинул ее, чтобы создать в ней то, что природа, как таковая, никогда бы не создала; теперь это создание человека соперничает с ней по силе своего воздействия. Оно предстает перед нами не столько в зримости своих материалов и аппаратов, сколько в действительности своих функций; по остаткам радиомачт археолог не мог бы составить представление о созданной ими всеобщей для людей всей Земли доступности событий и сведений.

Однако характер разбожествления мира и принцип технизации еще недостаточны для постижения того нового, что отличает наши века, а в своем завершении – нашу современность от прошлого. Даже без отчетливого знания людей нас не покидает ощущение, что они живут в момент, когда в развитии мира достигнут рубеж, который несоизмерим с подобными рубежами отдельных исторических эпох прошлых тысячелетий. Мы живем в духовно несравненно более богатой возможностями и опасностями ситуации, однако, если мы с ней не справимся, она неизбежно превратится в наиболее ничтожное время для оказавшегося несостоятельным человека.

Взирая на прошедшие тысячелетия, может показаться, что человек достиг в своем развитии конца или же он в качестве носителя современного сознания находится лишь в начале своего пути, в начале своего становления, но, обладая на этот раз средствами и возможностью реального воспоминания, на новом, совершенно ином уровне.

Ситуация вообще

До сих пор о ситуации речь шла в абстрактной неопределенности. В конечном итоге в определенной ситуации находится лишь отдельный человек. Перемещая ее, мы мыслим ситуацию групп, государств, человечества, институтов, таких, как церковь, университет, театр; объективных образований – науки, философии, поэзии. Когда воля отдельных людей охватывает их как свою вещь, эта воля оказывается вместе со своей вещью в определенной ситуации. Ситуации могут быть либо бессознательными – тогда они оказывают воздействие так, что тот, кого это касается, не знает, как это происходит.

Либо они рассматриваются как наличные для сознающей самое себя воли, которая может их принять, использовать и изменить. Ситуация, ставшая осознанной, вызывает к определенному поведению. Благодаря ей не происходит автоматически неизбежного; она указывает возможности и границы возможностей: то, что в ней происходит, зависит также от того, кто в ней находится, и от того, как он ее познает. Само постижение ситуации уже изменяет

ситуацию, поскольку оно апеллирует к возможному действию и поведению. Увидеть ситуацию означает начать господствовать над ней, а обратить на нее пристальный взор – уже борьбу воли за бытие. Если я ищу духовную ситуацию времени, это означает, что я хочу быть человеком до тех пор, пока я еще противостояю человеческому бытию, я размышляю о его будущем и его осуществлении, но как только я сам становлюсь им, я пытаюсь мысленно реализовать его посредством уяснения фактически схваченной ситуации в моем бытии.

Каждый раз возникает вопрос, какую же ситуацию я имею в виду.

Во-первых, бытие человека находится в качестве существования в экономических, социальных, политических ситуациях, от реальности которых зависит все остальное, хотя не они только делают ее действительной.

Во-вторых, существование человека как сознания находится в сфере познаваемого. Исторически приобретенное, наличное теперь знание в своем содержании и в характере того, как происходит познание и как знание методически расчленяется и расширяется, является ситуацией, по возможности ясной для человека.

В-третьих, то, чем он сам станет, ситуационно обусловлено людьми, с которыми он встретится, и возможностями веры, к нему взывающими.

Поэтому, если я ищу духовную ситуацию, я должен принимать во внимание фактическое существование, возможную ясность знания, апеллирующее самобытие в своей вере, все те обстоятельства, в которых находит себя отдельный человек.

В своем социологическом существовании индивид неизбежно занимает предназначенное ему место и поэтому не может присутствовать повсюду в одинаковой мере. Даже чисто внешнее знание того, как человек себя чувствует во всех социологических ситуациях, никому в настоящее время не доступно. То, что человеку одного типа представляется само собой разумеющимся повседневным существованием, может быть чуждо большинству остальных людей.

Правда, в настоящее время для отдельного человека возможна большая мобильность, чем когда-либо, пролетарий мог в прошлом веке стать хозяйственником, теперь – министром. Но эта мобильность фактически существует лишь для немногих, и в ней обнаруживается тенденция к сокращению и к принудительному социальному статусу.

В настоящее время мы действительно обладаем знанием основных типов нашего общества – знанием о рабочем, служащем, крестьянине, ремесленнике, предпринимателе, чиновнике. Однако именно это делает сомнительной общность человеческой ситуации для всех. При распадении прежних связей теперь вместо общей судьбы людей стала ощущаться новая связь каждого индивида с его местом внутри социального механизма. Обусловленность происхождением теперь, как и прежде, не может быть, невзирая на мобильность, устранена. Общим сегодня является не человеческое бытие как всепроникающий дух, а расхожие мысли и лозунги, средства сообщения и развлечения. Они образуют воду, в которой плавают, а не субстанцию, быть частью которой означает бытие. Общая социальная ситуация не есть решающее, она скорее то, что ведет к ничтожеству. Решающим является возможность самобытия, еще не становящегося сегодня объективным в своем особом мире, который включает в себя мир общий для всех, вместо того чтобы подвергаться его вторжению. Это самобытие не есть сегодняшний человек вообще; оно состоит в недоступной определению задаче узнать посредством овладения судьбой свою историческую связанность.

В области знания сегодняшняя ситуация характеризуется растущей доступностью его формы, метода и часто содержания все большему числу людей. Однако границы знания очень различны не только по объективным возможностям, но и прежде всего потому, что субъективная воля человека недостаточно велика и неспособна к исконной жажде знания. В знании общая ситуация была бы в принципе возможна для всех как наиболее универсальная коммуникация, которая с наибольшей вероятностью могла бы единообразно определить

духовную ситуацию людей одного времени. Однако из-за различия людей по их стремлению к знанию такая коммуникация исключена.

Для того, как самобытию принимать в себя другое самобытие, обобщенной ситуации не существует, необходима абсолютная историчность встречающихся, глубина их соприкосновения, верность и независимость их личной связи. При ослаблении содержательной объективной прочности общественного существования человек отбрасывается к этому исконному способу его бытия с другими, посредством которого только и может быть построена заново полная содержанием объективность.

Несомненно, что единой ситуации для людей одного времени не существует. Если бы я мыслил бытие человека как единую субстанцию, существовавшую на протяжении веков во всех специфических ситуациях, то моя мысль потерялась бы в сфере воображаемого. Если для божества и есть подобный процесс в развитии человечества, то я при самых обширных знаниях все-таки нахожусь внутри такого процесса, а не вне его. Несмотря на все это, т. е. невзирая на три типа, мы привыкли говорить о духовной ситуации времени, как будто она одна. В этом пункте, однако, пути мышления разделяются.

Перемещаясь на позицию наблюдающего божества, можно набросать картину целого. В тотальном историческом процессе человечества мы находимся на данном определенном месте, в современности как целостности отдельный человек занимает данное определенное место. Объективное целое, представляется ли оно отчетливо конструированным или смутным в своей неопределенности, становящимся, составляет тот фон, на котором я утверждаюсь в моей ситуации, в ее необходимости, особенности и изменяемости. Мое место как бы определено координатами: то, что я существую, – функция этого места; бытие – целое, я – его следствие, модификация или член. Моя сущность – историческая эпоха, как и социологическое положение в целом.

Историческая картина универсального развития человечества как необходимого процесса, в каком бы образе его ни мыслить, оказывает магическое воздействие. Я – то, что есть время. А то, что есть время, выступает как определенное место в развитии. Если я его знаю, то знаю требование времени. Для того чтобы достигнуть понимания подлинного бытия, я должен знать целое, в соответствии с которым я определяю, где мы находимся сегодня. Задачи современности следует высказывать как совершенно специфическое, высказывать с пафосом абсолютной значимости для настоящего. Ими я ограничен, правда, настоящим, но поскольку я вижу их в нем, я принадлежу одновременно целому во всей его протяженности. Никому не дано выйти за пределы своего времени, стремясь к этому, он провалился бы в пустоту.

Зная свое время благодаря знанию целого или рассматривая это знание как осмысленную цель, обладая этим знанием, я обращаюсь в своей самодостоверности против тех, кто не признает известные мне требования времени: они обнаруживают свою несостоятельность перед временем, трусливость, это – дезертиры действительности.

Под влиянием таких мыслей возникает страх оказаться несовременным. Все внимание направлено на то, чтобы не отстать: будто действительность сама по себе идет своим шагом и надо стараться идти в ногу с ней. Высшее требование – делать то, «чего требует время». Считать что-либо прошедшим – означает покончить с ним. Полагают, что достаточно с упреком сказать: это не соответствует времени, ты чужд требованиям времени, не понимаешь нового поколения. Только новое становится истинным, только молодежь – действительностью времени. Исходить надо любой ценой из сегодняшнего дня. Это стремление к утверждению, к себе такому, как человек есть, ведет к шуму современности, к прославляющим его фанфарам, будто уже доказано, что есть сегодняшний день.

Это рассмотрение целого, мнение, будто можно знать, что есть в истории и современности целое, – основное заблуждение; само бытие этого целого проблематично. Определяю

ли я целое как духовный принцип, как своеобразное ощущение жизни, как социологическую структуру, как особое хозяйственное устройство или государственность, во всех этих случаях я постигаю не глубину происхождения целого, а лишь возможную перспективу ориентации. Ибо то, из чего я ни в каком смысле не могу выйти, я не могу увидеть извне. Там, где собственное бытие еще участвует в том, что теперь совершается, предвосхищающее знание не более чем волеизъявление: воздействие того пути, на который я хочу вступить, обида, от которой я, ненавидя это знание, избавляюсь, пассивность, которая получает таким образом свое оправдание, эстетическое удовольствие от величия этой картины, жест, от которого я жду признания своей значимости.

Тем не менее, для того чтобы прийти к пониманию подлинной основы собственной ситуации, перспективы знания во всей своей относительности не только осмысленны, но и необходимы, если делается попытка пойти другим, истинным путем, неизвестным целому. Я могу беспрестанно стремиться понять мое время, исходя из его ситуаций, если знаю, как, посредством чего и в каких границах я знаю. Знание своего мира – единственный путь, на котором можно достигнуть сознания всей величины возможного, перейти затем к правильному планированию и действенным решениям и, наконец, обрести те воззрения и мысли, которые позволят посредством философствования понять сущность человеческого бытия в его шифрах как язык трансцендентности.

Следовательно, на истинном пути возникает антиномия; она состоит в том, что импульс к постижению целого должен потерпеть неудачу из-за неминуемого распада целого на отдельные перспективы, и конstellляции, из которых затем вновь пытаются построить целое.

Поэтому абсолютизация полюсов ведет на ложные пути: я принимаю целое за нечто известное, а между тем передо мной только образ; или руководствуюсь отдельной перспективой, не обладая даже интенцией к поискам целого, и искажаю ситуацию тем, что принимаю случайность, определенную как конечную, за абсолютное.

Заблуждения в отношении к целому имеют в своей противоположности нечто общее. Абстрактный образ целого служит успокоением для того, кто стоит как бы в стороне и фактически ни в чем не участвует, разве что сожалея, восхваляя или вдохновенно надеясь – так, будто он говорит о чем-то, его не касающемся. Фиксация конечной ситуации в своем знании бытия сама по себе замыкает сознание в узости его случайности. Образы же целого и полная уверенность особенного также ведут к инертности, к желанию удовлетвориться своей деятельностью; то и другое препятствует проникновению в собственную основу.

Обоим этим заблуждениям противостоит отношение к бытию как к ориентирующемуся самобытию; целью уяснения ситуации является возможность сознательно с наибольшей решимостью постигнуть собственное становление в особой ситуации. Для действительно существующего в ней индивида бытие не может обрести в знании свою полноту ни как история, ни как современность. По отношению к действительной ситуации единичного человека каждая воспринятая в своей всеобщности ситуация является абстракцией, ее описание – обобществляющей типизацией; по сравнению с ней в конкретной ситуации будет многого недоставать и добавляться многое другое, не достигая завершающего знания. Но образы ситуации служат импульсом, который вновь заставляет индивида обратиться к тому, что, по существу, только и имеет значение.

Построение духовной ситуации современности, целью которого не является замкнутый образ созданной картины бытия, не будет завершенным. Зная о границах доступного знанию и об опасности абсолютизации, оно создаст каждый образ так, чтобы ощущался и другой. Оно сведет их к отдельным перспективам, каждая из которых в своей обособленности значима, но значима не абсолютно.

Если порядок существования масс людей в качестве принципа и положен в основу действительности, то этот принцип перестает действовать на тех границах, на которых решающими для этого существования окажутся анонимные силы.

Если распад духовной деятельности и рассматривается, то лишь до той границы, на которой становится видимым начало новых возможностей.

Если специфичность времени видеть так, как мыслят человеческое бытие, то изложение приведет именно к тому пункту, где философия человеческого бытия переходит в экзистенциальную философию.

Если, излагая, автор указывает на прогноз в своем рассмотрении, то лишь с целью выявить этот прогноз как побуждающий к действию.

Если речь идет о бытии, то лишь с целью сделать зримым самобытие.

В антитезах, не контрастирующих друг с другом на одной плоскости (с каждой из них появляется совершенно новая плоскость бытия), будет проходить размышление о духовной ситуации времени – мышление, которое в конечном итоге не знает, что есть, но ищет посредством знания, что может быть.

То, что могло бы знать божество, человек знать не может. Этим знанием он устранил бы свое бытие во времени, которое должно лечь в основу его знания.

МАССОВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ И ЕГО УСЛОВИЯ

По подсчетам 1800 г., население Земли составляло около 850 миллионов, сегодня оно равно 1800 миллионам¹. Этот неведомый ранее рост населения в течение одного столетия стал возможным благодаря развитию техники. Открытия и изобретения создали: новый базис производства, организацию предприятий, методическое изучение наибольшей производительности труда, транспорт и сообщение, повсюду доставляющие все необходимое, упорядочение жизни посредством формального права и полиции; и на основании всего этого – точную калькуляцию на предприятиях. Создавались предприятия, планомерно руководимые из центра, несмотря на то что на них заняты сотни тысяч людей; они распространили свое влияние на многие регионы планеты.

Это развитие связано с рационализацией деятельности: решения принимаются не инстинктивно или по склонности, а на основании знания и расчета; развитие связано и с механизацией: труд превращается в просчитанную до предела, связанную с необходимыми правилами деятельность, которая может быть совершена различными индивидами, но остается одной и той же. Там, где раньше человек только выжидал, предоставляя возникнуть необходимому, он теперь предвидит и ничего не хочет оставлять на волю случая. Рабочий вынужден в значительной степени превратиться в часть действующего механизма.

Массы населения не могут жить без огромного аппарата, в работе которого они участвуют в качестве колесиков, чтобы таким образом обеспечить свое существование. Зато мы обеспечены так, как никогда еще на протяжении всей истории не были обеспечены массы людей. Еще в начале XIX века в Германии были периоды, когда люди страдали от голода. Болезни катастрофически уменьшали население, большинство детей умирало в грудном возрасте, лишь немногие люди доживали до старости. В настоящее время в регионах западной цивилизации возникновение голода в мирное время исключено. Если в 1750 г. в Лондоне ежегодно умирал один человек из двадцати, то теперь – один из восьмидесяти. Страхование на случай безработицы или болезни и социальное обеспечение не дают умереть с голоду нуждающемуся человеку, тогда как раньше это было само собой разумеющимся для целых слоев населения и по сей день является таковым для ряда стран Азии.

Обеспечение масс совершается не по определенному плану, а в чрезвычайно сложном взаимодействии различных видов рационализации и механизации. Это не рабовладельческое хозяйство, где людей используют как животных, а хозяйство, в котором люди по своей доброй воле каждый на своем месте, пользуясь полным доверием, участвуют в создании условий для функционирования целого. Политическая структура такого аппарата деятельности – демократия в той или иной ее разновидности. Никто не может больше на основе измышленного плана определять без согласия массы, что ей следует делать. Аппарат развивается в столкновении борющихся и согласно действующих волевых направленностей; критерием того, что делает индивид, служит успех, который в конечном итоге определяет продолжение или устранение его деятельности. Поэтому все действует по плану, но не по плану целого.

В соответствии с этим в течение двух веков сложилась в качестве основной науки политическая экономия. Поскольку в это время экономические, технические и социальные процессы все более определяли для общего сознания исторический ход вещей, знание их превратилось как бы в науку человеческих вещей вообще. С этим связана безмерная сложность в осуществлении принципа целерационального порядка в обеспечении существования, принципа, который сам по себе представляется столь простым. В этой сложности проявляется

¹ В 1931 году. – Прим. ред.

целый мир допустимого господства, который, будучи нигде не различимым как целое, существует только в постоянном видоизменении.

Сознание и век техники

Следствием развития техники для повседневной жизни является уверенность в обеспеченности всем необходимым для жизни, но таким образом, что удовольствие от этого уменьшается, поскольку эту обеспеченность ожидают как нечто само собой разумеющееся, а не воспринимают как позитивное исполнение надежды. Все становится просто материалом, который можно в любую минуту получить за деньги; в нем отсутствует оттенок лично созданного. Предметы пользования изготавливаются в громадном количестве, изнашиваются и выбрасываются; они легко заменимы. От техники ждут создания не чего-то драгоценного, неповторимого по своему качеству, независимого от моды из-за его ценности в жизни человека, не предмета, принадлежащего только ему, сохраняемого и восстанавливаемого, если он портится. Поэтому все связанное просто с удовлетворением потребности становится безразличным; существенным только тогда, когда его нет. По мере того как растет масштаб обеспечения жизни, увеличивается ощущение недостатка и угрозы опасности.

Среди предметов пользования существуют целесообразные, совершенно законченные виды, окончательные формы, производство которых может быть нормировано по определенному плану. Их не изобрел какой-нибудь один умный человек; это – результат процесса открытия и формирования на протяжении целого поколения. Так, велосипед развивался в течение двух десятилетий, принимая формы, которые теперь кажутся нам смешными, пока не обрел в ряде модификаций свой окончательный вид, сохраняемый им до сих пор. Если теперь большинство предметов пользования в каких-то деталях и отталкивают несоответствием формы, завитушками и излишеством деталей, непрактичностью приспособлений, подчеркнутой и поэтому ненужной техничностью, идеал в целом ясен и в ряде случаев он осуществляется. Там, где он осуществлен, привязанность к какому-либо отдельному экземпляру теряет всякий смысл; нужна только форма, а не отдельный экземпляр, и, несмотря на всю искусственность, ощущается некая новая близость к вещам как к чему-то созданному людьми.

Преодоление техникой времени и пространства в ежедневных сообщениях газет, в путешествиях, в массовом продуцировании и репродуцировании посредством кино и радио создало возможность соприкосновения всех со всеми. Нет более ничего далекого, тайного, удивительного. В имеющих важное значение событиях могут участвовать все. Людей, занимающих ведущие посты, знают так, будто ежедневно с ними встречаются.

Внутреннюю позицию человека в этом техническом мире называют деловитостью. От людей ждут не рассуждений, а знаний, не размышлений о смысле, а умелых действий, не чувств, а объективности, не раскрытия действия таинственных сил, а ясного установления фактов. Сообщения должны быть выражены сжато, пластично, без каких-либо сантиментов. Последовательно излагаемые ценные соображения, воспринимаемые как материал полученного в прошлом образования, не считаются достойными внимания. Обстоятельность отвергается, требуется конструктивная мысль, не разговоры, а просто сообщение фактов. Все существующее направлено в сторону управляемости и правильного устройства. Безотказность техники создает ловкость в обращении со всеми вещами; легкость сообщения нормализует знание, гигиену и комфорт, схематизирует то, что связано в существовании с уходом за телом и с эротикой. В повседневном поведении на первый план выступает соответствие правилам. Желание поступать, как все, не выделяться создает поглощающую все типизацию, напоминающую на другом уровне типизацию самых примитивных времен.

Индивид распадается на функции. Быть означает быть в деле; там, где ощущалась бы личность, деловитость была бы нарушена. Отдельный человек живет как сознание социального бытия. В пограничном случае он ощущает радость труда без ощущения своей самости; живет коллектив, и то, что отдельному человеку казалось бы скучным, более того, невыносимым, в коллективе он спокойно принимает как бы под властью иного импульса. Он мыслит свое бытие только как «мы».

Бытие человека сводится к всеобщему; к жизнеспособности как производительной единицы, к тривиальности наслаждения. Разделение труда и развлечений лишает существование его возможного веса; публичное становится материалом для развлечения, частное – чередованием возбуждения и утомления и жаждой нового, неисчерпаемый поток которого быстро предается забвению; здесь нет длительности, это – только времяпрепровождение. Деловитость способствует также безграничному интересу к общей всем сфере инстинктивного: это выражается в воодушевлении массовым и чудовищным, созданиями техники, огромным скоплением народа, публичными сенсациями, вызванными делами, счастьем и ловкостью отдельных индивидов; в утонченной и грубой эротике, в играх, приключениях и даже в способности рисковать жизнью. Число участников в лотереях поразительно; решение кроссвордов становится излюбленным занятием. Объективное удовлетворение духовных стремлений без личного участия гарантирует деловое функционирование, в котором регулируется утомление и отдых.

В разложении на функции существование теряет свою историческую особенность, в своем крайнем выражении вплоть до нивелирования возрастных различий. Молодость как выражение высшей жизнеспособности, способности к деятельности и эротического восторга является желанным типом вообще. Там, где человек имеет только значение функции, он должен быть молодым; если же он уже немолод, он будет стремиться к видимости молодости. К этому добавляется, что возраст отдельного человека уже изначально не имеет значения; жизнь его воспринимается лишь в мгновении, временное протяжение жизни – лишь случайная длительность, она не сохраняется в памяти как значимая последовательность неотвратимых решений, принятых в различных биологических фазах. Если у человека, в сущности, нет больше возраста, он все время начинает с начала и всегда достигает конца: он может делать и то и это, сегодня это, завтра другое; все представляется всегда возможным, и ничто, по существу, не действительно. Отдельный человек – не более чем случай из миллионов других случаев, так почему бы ему придавать значение своей деятельности? Все, что происходит, происходит быстро, а затем забывается. Поэтому люди ведут себя, как будто они все одного возраста. Дети становятся по возможности раньше как бы взрослыми и участвуют в разговорах по собственному желанию. Там, где старость сама пытается казаться молодой, она не вызывает почтения. Вместо того чтобы делать то, что ей пристало, и тем самым служить молодым на определенной дистанции масштабом, старость принимает облик жизненной силы, которая свойственна в молодости, но недостойна в старости. Подлинная молодость ищет дистанции, а не беспорядка, старость – формы и осуществления, а также последовательности в своей судьбе.

Поскольку общая деловитость требует простоты, понятной каждому, она ведет к единым проявлениям человеческого поведения во всем мире. Единными становятся не только моды, но и правила общения, жесты, манеры говорить, характер сообщения. Общим становится и этос общения: вежливые улыбки, спокойствие, никакой спешки и настоятельных требований, юмор в напряженных ситуациях, готовность помочь, если это не требует слишком больших жертв, отсутствие близости между людьми в личной жизни, самодисциплина и порядок в толпе – все это целесообразно для совместной жизни многих и осуществляется.

Господство аппарата

Превращая отдельных людей в функции, огромный аппарат обеспечения существования изымает их из субстанциального содержания жизни, которое прежде в качестве традиции влияло на людей. Часто говорили: людей пересыпают, как песок. Систему образует аппарат, в котором людей переставляют по своему желанию с одного места на другое, а не историческая субстанция, которую они заполняют своим индивидуальным бытием. Все большее число людей ведет это оторванное от целого существование. Разбрасываемые по разным местам, затем безработные, они представляют собой лишь голое существование и не занимают больше определенного места в рамках целого. Глубокая, существовавшая раньше истина – каждый да выполняет свою задачу на своем месте в сотворенном мире – становится обманчивым оборотом речи, цель которого успокоить человека, ощущающего леденящий ужас покинутости. Все, что человек способен сделать, делается быстро. Ему дают задачи, но он лишен последовательности в своем существовании. Работа выполняется целесообразно, и с этим покончено. В течение некоторого времени идентичные приемы его работы повторяются, но не углубляются в этом повторении так, чтобы они стали достоянием того, кто их применяет; в этом не происходит накопления самобытия. То, что прошло, не имеет значения, значимо лишь то, что в данную минуту происходит. Основное свойство этого существования – умение забывать; его перспективы в прошлом и будущем почти сжимаются в настоящем. Жизнь течет без воспоминаний и без предвидений во всех тех случаях, когда речь идет не о силе абстрагирующего, целесообразно направленного внимания на производительную функцию внутри аппарата. Исчезает любовь к вещам и людям. Исчезает готовый продукт, остается только механизм, способный создать новое. Насильственно прикованный к ближайшим целям, человек лишен пространства, необходимого для видения жизни в целом.

Там, где мерой человека является средняя производительность, индивид, как таковой, безразличен. Незаменимых не существует. То, в качестве чего он был, он – общее, не он сам. К этой жизни предопределены люди, которые совсем не хотят быть самими собой; они обладают преимуществом. Создается впечатление, что мир попадает во власть посредственности, людей без судьбы, без различий и без подлинной человеческой сущности.

Кажется, что объективированный, оторванный от своих корней человек утратил самое существенное. Для него ни в чем не сквозит присутствие подлинного бытия. В удовольствии и неудовольствии, в напряжении и утомлении он выражает себя лишь как определенная функция. Живя со дня на день, он видит цель, выходящую за пределы сиюминутного выполнения работы, только в том, чтобы занять по возможности хорошее место в аппарате. Масса остающихся на своих местах отделяется от меньшинства бесцеремонно пробивающихся вперед. Первые пассивно пребывают там, где они находятся, работают и наслаждаются после работы досугом; вторых побуждают к активности честолюбие и любовь к власти; они изматываются, придумывая возможные шансы к продвижению и напрягая последние силы.

Руководство всем аппаратом осуществляется бюрократией, которая сама является аппаратом, т. е. людьми, превратившимися в аппарат, от которых зависят работающие в аппарате.

Государство, общество, фабрика, фирма – все это является предприятием во главе с бюрократией. Все, что сегодня существует, нуждается в множестве людей, а следовательно, в организации. Внутри бюрократического аппарата и посредством него возможно продвижение, которое предоставляет большую значимость при сходных, по существу, функциях, требующих только большей интеллигентности, умения, особых способностей, активных действий.

Господствующий аппарат покровительствует людям, обладающим способностями, которые позволяют им выдвинуться: умеющим оценивать ситуацию беспардонным индивидам, которые воспринимают людей по их среднему уровню и поэтому успешно используют их; они готовы в качестве специалистов подняться до виртуозности, одержимые желанием продвинуться, они способны жить, не задумываясь и почти не тратя времени на сон.

Далее, требуется умение завоевать расположение. Надо уметь уговорить, даже подкупить – безотказно нести службу, стать незаменимым, – молчать, надувать, немного, но не слишком лгать, быть неутомимым в нахождении оснований – вести себя внешне скромно, – в случае необходимости вызывать к чувству, трудиться к удовольствию начальства, не проявлять никакой самостоятельности, кроме той, которая необходима в отдельных случаях.

Для того, кто по своему происхождению не может претендовать на высокие посты в бюрократическом аппарате, не подготовлен к тому воспитанием и должен добиться соответствующего положения своими силами, это связано с манерой поведения, с инстинктом, отношением к ценностям, и все это представляет опасность для подлинного самобытия как условия ответственного руководства. Иногда может помочь счастливая случайность; однако, как правило, преуспевающие отличаются такими качествами, которые препятствуют им мириться с тем, что человек остается самим собой, и поэтому они с безошибочным чутьем пытаются всеми средствами вытеснить таких людей из своей сферы деятельности: они называют их самонадеянными, чудаками, односторонними и неприемлемыми в деле; их деятельность оценивается фальшивым абсолютным масштабом; они вызывают подозрение, их поведение рассматривается как провоцирующее, нарушающее покой, мир в обществе и престапующее должные границы. Поскольку высокого положения достигает только тот, кто пожертвовал своей сущностью, он не хочет допустить, чтобы другой ее сохранил.

Методы продвижения в аппарате определяют отбор нужных лиц. Так как достигает чего-либо только тот, кто рвется к успеху, но именно это он никогда не должен признавать в конкретной ситуации, приличным считается ждать, когда ты будешь позван: от поведения зависит, каким образом достигнуть желаемого, сохраняя видимость сдержанности. Сначала, обычно в обществе, как бы незаметно направляют разговор в нужную сторону. Как бы безразлично высказываются предположения. Им предшествуют такие выражения: я об этом не думаю... не следует ожидать, что... – и таким образом выражают свои желания. Если это ни к чему не приводит, то ничего сказано не было. Если же желаемый результат достигнут, то можно вскоре сообщить о поступившем предложении, сделав вид, что это произошло независимо от своего желания. Создается привычка утверждать многое, противоречащее друг другу. Со всеми людьми следует устанавливать такие отношения, чтобы обладать по возможности большими связями, используя ту, которая именно в данном случае необходима. Вместо товарищества самобытных людей возникает некая псевдодружба тех, кто молча находит друг друга в случае надобности, придавая своему общению форму обходительности и любезности. Не нарушать правил игры в удовольствиях, выражать каждому свое уважение, возмущаться, когда можно рассчитывать на соответствующий отклик, никогда не ставить под вопрос общие материальные интересы, какими бы они ни были, – все это и тому подобное существенно.

Господство массы

Масса и аппарат связаны друг с другом. Крупный механизм необходим, чтобы обеспечить массам существование. Он должен ориентироваться на свойства массы: в производстве – на рабочую силу массы, в своей продукции – на ценности массы потребителей.

Масса как толпа не связанных друг с другом людей, которые в своем сочетании составляют некое единство, как преходящее явление существовала всегда. Масса как публика –

типический продукт определенного исторического этапа; это связанные воспринятыми словами и мнениями люди, не разграниченные в своей принадлежности к различным слоям общества. Масса как совокупность людей, расставленных внутри аппарата по упорядочению существования таким образом, чтобы решающее значение имела воля и свойства большинства, является постоянно действующей силой нашего мира, которая в публике и массах в качестве толпы принимает облик преходящего явления.

Прекрасный анализ свойств массы как временного единства толпы дал Лебон, определив их как импульсивность, внушаемость, нетерпимость, склонность к изменениям и т. д. Свойство массы в качестве публики состоит в призрачном представлении о своем значении как большого числа людей; она составляет свое мнение в целом, которое не является мнением ни одного отдельного человека; бесчисленные другие, ничем не связанные многие, мнение которых определяет решение. Это мнение именуется «общественным мнением». Оно является фикцией мнения всех, в качестве такового оно выступает, к нему взывают, его высказывают и принимают отдельные индивиды и группы как свое. Поскольку оно, собственно говоря, неосознано, оно всегда иллюзорно и мгновенно исчезает – «ничто», которое в качестве «ничто» большого числа людей становится на мгновение уничтожающей и возвышающей силой.

Познание свойств расчлененной в аппарате массы не просто и не однозначно. Что представляет собой человек, проявляется в том, что делает большинство: в том, что покупается, что потребляется, в том, на что можно рассчитывать, когда речь идет о многих людях, а не о склонности отдельных индивидов. Так же как статьи бюджета в частном хозяйстве служат характерным признаком сущности отдельного человека, так бюджет зависимого от большинства государства служит признаком сущности масс. О сущности человека можно судить, если быть осведомленным о наличных у него средствах, исходя из того, на что у него есть деньги и на что их не хватает. Самым непосредственным образом узнать, чего можно в среднем ожидать, учит опыт, складывающийся из соприкосновения со многими людьми. Эти суждения поразительно сходны на протяжении тысячелетий. Объединенные в большом количестве люди как будто хотят только существовать и наслаждаться; они работают под действием кнута и пряника; они, собственно говоря, ничего не хотят, приходят в ярость, но не выражают свою волю; они пассивны и безразличны, терпят нужду; когда наступает передыхание, они скучают и жаждут нового.

Для расчлененной в аппарате массы главное значение имеет фикция равенства. Люди сравнивают себя с другими, тогда как каждый может быть самим собой, только если он не сравним ни с кем. То, что есть у другого, я тоже хочу иметь; то, что может другой, мог бы и я. Тайно господствует зависть, стремление наслаждаться, иметь больше и знать больше.

Если в прежние времена, для того чтобы знать, на что можно рассчитывать, следовало знакомиться с князьями и дипломатами, то теперь для этого нужно быть осведомленным о свойствах массы. Условием жизни стала необходимость выполнять какую-либо функцию, так или иначе служащую массам. Масса и ее аппарат стали предметом нашего самого животрепещущего жизненного интереса. В своем большинстве она господствует над нами. Для каждого, кто сам не обманывает себя, она является сферой его полной служебной зависимости, деятельности, забот и обязательств. Он принадлежит ей, но она угрожает человеку гибелью в риторике и суеверии, связанными с ее утверждением «мы – все»; ложное ощущение силы этого утверждения улетучивается как «ничто». Расчлененная в аппарате масса бездуховна и бесчеловечна. Она – наличное бытие без существования, суеверие без веры. Она способна все растоптать, ей присуща тенденция не терпеть величия и самостоятельности, воспитывать людей так, чтобы они превращались в муравьев.

В процессе консолидации огромного аппарата по упорядочению жизни масс каждый должен ему служить и своим трудом участвовать в создании нового. Если он хочет жить,

занимаясь духовной деятельностью, это возможно, только участвуя в умиротворении какой-либо массы людей. Он должен показать значимость того, что приятно массе. Она хочет обеспечения своего существования пропитанием, эротикой, самоутверждением; жизнь не доставляет ей удовольствия, если что-либо из этого отсутствует. Помимо этого ей нужен способ познания самой себя. Она хочет быть ведомой, но так, чтобы ей казалось, будто ведет она. Она не хочет быть свободной, но хочет таковой считаться. Для удовлетворения ее желаний фактически среднее и обычное, но не названное таковым должно быть возвеличено или, во всяком случае, оправдано в качестве общечеловеческого. Недоступное ей именуется далеким от жизни. Для воздействия на массу необходима реклама. Поднимаемый ею шум служит в настоящее время формой, которую должно принимать каждое духовное движение. Тишина в человеческой деятельности в качестве формы жизни, по-видимому, исчезла. Необходимо показываться, читать доклады и произносить речи, вызывать сенсацию. В массовом аппарате в представительстве недостает подлинного величия. Нет празднеств. В подлинность праздников никто не верит, даже сами их участники. Достаточно представить себе папу совершающим торжественное путешествие через весь земной шар в центр нынешнего могущества, в Америку, примерно так, как он в Средние века разъезжал по Европе, и мы сразу же увидим, насколько несравним с прошлым феномен нашего времени.

ГРАНИЦЫ ПОРЯДКА СУЩЕСТВОВАНИЯ

Описанные образы современного существования не следует считать единственными. Однако сегодня сложилось определенное направление в осуществлении, которое им соответствует, к тому же эти образы обрели столь далеко идущее господство в современном сознании, что многое из того, что было сказано, присутствует в современных языках независимо от мировоззрений и партий. Отраженная в них в своих перспективах действительность свидетельствует о неизмеримой зависимости человека; не только то, как он воспринимает знание, навязываемое ему в настоящее время духовной ситуацией, показывает, каким становится человек. Уже простое описание массового порядка неизбежно вызывает положительные и отрицательные оценки и тем самым отношение к нему мыслящего человека; перед человеком стоит вопрос, хочет ли он подчиниться осознаваемому им могуществу, которое как будто все определяет, или видит иные открытые ему пути, куда не достигает эта мощь.

Абсолютизация всеохватывающего порядка существования формулируется таким образом: существование мыслится как планомерное удовлетворение всеобщих необходимых жизненных потребностей; пусть духовное вступает в мир, который требует его для себя, но оно не должно препятствовать желанию работать, напротив, ему надлежит способствовать удовлетворению потребностей, служить улучшению методов труда, техники и социального аппарата. Индивид существует только на службе целого, которое и обеспечивает в соответствии с этим возможное удовлетворение его потребностей; замыкающаяся в себе самой сфера человеческого существования, уходящего в бесконечность, сохранится до той поры, пока по утопическому предположению не настанет время, когда радость существования станет для всех тождественной радости, доставляемой трудом, на котором они держатся. Исходя из величайшего счастья наибольшего числа людей, смысл существования должен якобы заключаться в экономической обеспеченности масс, в полном удовлетворении их самых многообразных потребностей.

Однако, с одной стороны, полностью удовлетворить эти потребности невозможно, с другой – наличие таких представлений не является абсолютно господствующим в сознании современных людей. Техника, аппарат и массовое существование не исчерпывают бытие человека. Эти созданные им самим факторы оказывают, правда, на него обратное воздействие, но не являются полностью решающими в его существовании. Они наталкиваются на него самого, который есть и нечто другое. Человека нельзя вывести из ограниченного числа принципов; их построение бросает свет на связи, которые тем отчетливее показывают, что в них не входит. Поэтому с абсолютизацией знания в таком порядке существования связаны либо тайная ложная вера в возможность окончательно установить правильное устройство мира, либо безнадежное воззрение на все человеческое существование. Типичная для сторонников этого воззрения удовлетворенность при мысли о возможном достижении всеобщего благоденствия сопровождается игнорированием фактов, которых, по их мнению, можно будет избежать. Однако, вместо того чтобы колебаться между утверждением и отрицанием такого существования, следует довести до сознания границы порядка существования; тогда абсолютизация станет невозможной и перед духовно свободным сознанием, доведенным до понимания действительности в ее доступных знанию связях, откроются другие возможности.

Прежде всего, оказывается, что обеспечивающий массы порядок существования не может достигнуть в понимании самого себя полной ясности и последовательности; поэтому он создает определенное духовное воззрение, современную софистику, открывающую, в какой мере отношение духа к этой абсолютизированной действительности лишено основы. Сверх того следует отчетливо понимать, что сохранение постоянного порядка существо-

вания вообще невозможно. Несомненна также невозможность завершения современного порядка существования: в качестве универсального аппарата существования он стремится охватить всю полноту существования отдельных людей в ее душевной наполненности; при этом аппарат испытывает в ряде случаев противодействие и неизбежно разрушился бы сам, если бы уничтожил своих соперников. Поскольку теперь все это стало полностью осознанным, представление о кризисе является выражением того, что все в опасности и нет более ничего радикально упорядоченного.

Современная софистика. Язык маскировки и возмущения

Границы рационального порядка существования проявляются в невозможности того, чтобы это существование могло быть понято и оправдано в своей действительности из самого себя. Для того чтобы удержаться в своей абсолютизации, оно нуждается в языке маскировки. И чем невозможнее становится достигнуть рациональной правильности, тем в большей степени это становится методом. Его масштаб – «общее благо», утверждаемое как несомненное; его интерес – умиротворение всех, дабы они спокойно и упорядоченно выполняли свои функции. Ужасные стороны существования находят свое успокаивающее пояснение в определенных инстанциях. Если же приходится применять принуждение и насилие, то это посредством разделения ответственности приписывается недостижимой власти. То, что не мог бы взять на себя отдельный человек, осмеливается совершать аппарат. При неразрешимых проблемах взывают как к наиболее значимой инстанции к науке; служа публичному интересу, понятому как порядок существования, она готова в качестве компетентной инстанции предоставить в распоряжение аппарата вынесенное ею суждение, которое в самых трудных случаях должно быть признано окончательным. Если компетентное лицо фактически не обладает и не может обладать нужным знанием, оно вынуждено обратиться к формулам, создающим видимость знания, например при оправдании политических актов посредством их интерпретации в терминах государственного права, при интернировании преступников, при толковании неврозов, вызванных несчастными случаями, для уменьшения страховых обязательств и т. д. Собственно говоря, сказанное значения не имеет; ценностным масштабом формулы служит возможность сохранить порядок, замаскировать то, что ставит его под сомнение.

Противоположным методом является язык возмущения. Он так же, как успокаивающий метод, служит массовому порядку, но скрывает истину другим методом. Вместо того чтобы обращаться к целому, изолируется и резко выделяется отдельный случай. В ярком свете, направленном на одно, скрывается другое. Совершается в любом смешении апелляция ко всем темным инстинктам, а равно и ко всем высшим этическим ценностям, и все это лишь с одной целью: оправдать возмущение. Подобно тому как язык рационального обоснования служит, исходя из общего блага, средством сохранить порядок, так язык изоляции и протеста служит средством разрушения.

Не обладающее подлинным пониманием самого себя, существование, пользующееся этим языком, теряет устойчивость. Там, где что-либо не является вопросом технического обеспечения существования, но его как будто касается, оставаясь фактически ему недоступным, обнаруживается неуверенность мнения и воления. Под обликом разумности и деловитости в действительности скрывается беспомощность. Если в дискуссии невозможно более утверждать что-либо с несомненностью, приходит на помощь притянутая *ad hoc* патетика. «Святость жизни», «величие смерти», «величие народа», «воля народа – воля Бога» и т. п. – таковы обороты речи тех, кто обычно кажется погруженным в повседневность существования. Устраняясь, таким образом, от дискуссий, они косвенно подтверждают, что существует нечто за пределами порядка существования; но поскольку сами они утратили свои корни,

они не знают больше, чего они, собственно говоря, хотят. Эта софистика колеблется между оппортунистической ловкостью эгоистического существования и безрассудно гипертрофированной аффектацией.

Там, где нечто должно быть совершено многими, и никто, по существу, не знает, о чем идет речь и какова цель требуемых действий, где каждый пребывает в смятении, не зная, чего ему следует хотеть, возникает маскировка беспомощности. Те, кто обладает обеспечивающей их собственное существование управленческой позицией, апеллируют к единству, к ответственности, требуют трезвого мышления; они убеждают, что необходимо считаться с фактами, не теоретизировать, а действовать практически, находиться в боевой готовности, держать порох сухим (хотя стрелять никто не собирается), не заниматься враждебной властью политикой, предотвращать нападение всеми доступными средствами и прежде всего предоставить решение вождю, который найдет наилучший способ выйти из затруднения. Что же касается вождя, то он, выступая с мужественными речами, хотя в глубине души сам не знает, чего он хочет, держится своей позиции и предоставляет делам идти их ходом, не принимая никакого решения.

Нежелание принимать решения

Порядок существования требует мира для того, чтобы удержаться, и внушает страх перед принятием решения с целью софистически ощущать себя в своей ничтожности истинным поборником общего интереса. Жажда действий укрощается в отдельных индивидах, группах, организациях и партиях тем, что они взаимно ограничивают друг друга. Поэтому выравнивание именуется справедливостью, которую находят в том или ином компромиссе. Этот компромисс является либо установлением связи между Гетерогенными интересами во имя единства существования, либо взаимной уступкой во избежание принятия решений. Правда, тот, кто вступает в сообщество взаимно обуславливающей деятельности, должен вследствие необходимой заботы о его сохранении стремиться к согласию, а не к борьбе; поэтому он отказывается в известных границах от себя, от своего индивидуального существования, чтобы сохранить возможность продолжения общего существования; он различает свое самобытие в его безусловности от существования в его относительности, внутри которого он именно как самобытие обладает силой к компромиссу. Но вопрос заключается в том, где компромисс требует в качестве предпосылки силы различающего самобытия и где он ведет к разложению самобытия, превращаясь в безграничное нивелирование в кооперировании со всеми.

Ибо там, где человек в каком-либо деле полностью является самим собой, для него существует только «или – или», а не компромисс. Он хочет довести понимание вещей до крайнего предела, чтобы затем принять решение. Он знает, что может потерпеть крушение, ему введома изначальная покорность по отношению к существованию как длительности, введома действительность бытия в подлинном крушении. Однако для собственного существования, которое в рамках общего порядка частично отказывается от себя, чтобы гарантировать себя в целом, борьба слишком рискованна. Оно осуществляет насилие, если обладает превосходством, и избегает решения, если с ним связана опасность. Когда возможным остается только существование в определенных границах, оно согласно на все, занимает среднюю позицию, направленную против всех чрезмерных требований и крайностей. Выступая против всяких дерзаний, оно призывает к адаптации и выравниванию. Мир любой ценой исключит борьбу. Идеал заключается в отсутствии трений внутри предприятия. Я исчезаю в кооперации, в которой господствует фикция дополнения всех всеми. Преимуществом обладает не отдельный индивид, а общий интерес, который, будучи определен, по существу, является уже особым, а в качестве общего остается пустым. Исключение конкуренции

посредством картелей приукрашивается разговорами об общих интересах, ревность нейтрализуется взаимной терпимостью, борьба за истину растворяется в синтезе различных возможностей. Справедливость уже не субстанциональна, во взвешивании она теряет свою остроту, будто все допускает сравнение на определенном уровне. Стремиться к решению означает уже не определять свою судьбу, а осуществлять насилие, пребывая в прочном обладании властью.

Если же в этих условиях прорывается возмущение, то в своем софистическом искажении мнений и поведения оно также не приводит к решению, а превращается просто в губительную потасовку, которая либо подавляется порядком существования, либо ведет к хаосу.

Дух как средство

На то, от чего все зависит для абсолютизации порядка существования, на экономическую силу и ситуацию, на несомненную мощь, будто все это и есть подлинное, ориентируется и духовная деятельность. Дух уже не верит самому себе как своему собственному истоку; он превращает себя в средство. Превратившись в софистику вследствие совершенной способности к адаптации, он может служить любому господину. Он находит оправдательные основания для любого состояния, осуществленного в мире или долженствующего быть осуществленным могущественными силами. При этом он знает, что все это несерьезно, и соединяет это тайное знание с патетикой ложной убежденности. Поскольку сознание реальных сил существования, с одной стороны, поддерживает эту неправду, с другой – раскрывает то, что если не порождает, то определяет всякое существование, постольку возникает новое правильное знание о неотвратимом. Однако требование трезвого осмысления действительности сразу же становится софистическим средством, призывающим уничтожить все то, что непосредственно не очевидно, и тем самым уничтожить подлинное волеие человека. Подобная неправда в ее неизмеримом многообразии неизбежно возникает из искажения возможностей человека, если помимо существования в качестве порядка обеспечения масс больше ничего нет.

Невозможность постоянного порядка существования

Для правильной организации существования необходим постоянный порядок. Однако очевидно, что стабильное состояние невозможно. Существование, всегда в себе незавершенное и невыносимое таким, как оно есть, принимает все новые образы.

Уже технический аппарат, как таковой, никогда не может стать завершенным. Утопически эксплуатацию нашей планеты можно изобразить как местоположение и материал гигантской фабрики, которая приводится в движение массой людей. Чистой и непосредственно данной природы больше не будет, в качестве данного природой выступает только материал аппаратуры, однако, использованный для определенных целей человека, он не имеет своего бытия; люди приходят в соприкосновение лишь с обработанным ими материалом; мир существует только как искусственный ландшафт, аппаратура человека в пространстве и свете, в различное время дня и различные времена года, единое производство, связанное непрерывно действующими средствами сообщения; человек привязан к нему, дабы, участвуя в работе, существовать. Достигнуто стабильное состояние. Материалы и энергии используются без остатка. Контроль рождаемости регулирует прирост населения. С помощью евгеники и гигиены создается наилучший тип человека. Болезни уничтожены. Обеспечение всех посредством обязательной службы регулировано планом. Решения больше не принимаются. Все остается таким, как оно есть в круговороте повторяющихся поколений. Не зная борьбы

и судьбы, люди довольствуются неизменной нормой распределения при коротком рабочем времени и множестве развлечений.

Однако такое состояние невозможно. Тому препятствуют непредвиденные силы природы, в их разрушительном действии достигающие технических катастроф. Существует специфическое бедствие технической несостоятельности. Быть может, длительная борьба с болезнями лишит людей всякого иммунитета, и они окажутся беззащитными перед непредвиденным заболеванием. В осуществлении контроля над рождаемостью не так просто достигнуть желаемого результата; вступит в борьбу инстинкт продолжения рода, более сильный у одних, чем у других. Евгеника не сможет воспрепятствовать сохранению слабых и, быть может, неотвратимому ухудшению рас в наших условиях; ибо нет объективного масштаба для отбора и выявления ценности; более того, вследствие многообразия исконной человеческой природы ее возможности пребывают в непримиримой борьбе.

Удовлетворяющее всех длительное состояние немыслимо. Техника не создает совершенный мир, но на каждом шагу создает в мире новые трудности, а следовательно, и новые задачи – техника создает не только увеличение страдания из-за ее несовершенства; она должна остаться несовершенной или подвергнуться разрушению. Остановка для нее всегда конец: на каждой ее границе неудержимый прогресс – одновременно упадок и стремление вперед в еще неизвестные сферы в качестве духа открытия, изобретения, планирования и создания нового, без чего техника не может существовать.

Что человек окончательно не входит в запланированный порядок существования, очевидно уже из того, что сам этот порядок расщеплен на противоположности. Посредством их борьбы он беспокойно движется сквозь время, не зная завершения ни в одном образе. Противостоят друг другу не только конкретно государство государству, партия партии, государственная воля интересам экономики, класс классу, различные хозяйственные интересы, но антиномичны по своему характеру и сами создающие существование силы; эгоистический интерес возбуждает деятельность отдельного индивида, создает этим то такие условия существования, которые составляют общий интерес, то нарушает их; упорядоченный механизм с его окончательно ограниченными функциями, обязанностями и правами, любым образом заменяемых атомистических людей противопоставляет себя опасной для существующего порядка инициативе, индивидуальной смелости, истокам, без которых, однако, целое не могло бы продолжать существовать во все новых ситуациях среды.

Организация разрушила бы то, что она стремится обеспечить для человека как человека, если бы противоположные ей силы не держали ее в узде. Государства типа пчелиных ульев мыслимы в качестве статичных образований, повторяющихся любым образом; человеческое же существование – только как историческая судьба отдельного человека и человечества в целом, как необозримый путь технических завоеваний, экономической деятельности, политических систем.

Человек обладает существованием лишь в том случае, если он посредством разума и взаимопонимания с другими людьми занимается порядком технического обеспечения масс. Поэтому объектом его страстных усилий должен быть мир, если он не хочет погибнуть вместе с крушением этого мира. Он создает этот мир планированного порядка, пытаясь перейти его границы там, где они обнаруживаются. Эти границы выступают здесь как его противники, но в них он, собственно говоря, и присутствует в качестве самого себя, того, кто не входит в установленный порядок. Если бы он полностью одолел противника порядка своего существования, он потерял бы самого себя в созданном им мире. Духовная ситуация человека возникает лишь там, где он ощущает себя в пограничных ситуациях. Там он пребывает в качестве самого себя в существовании, когда оно не замыкается, а все время вновь распадается на антиномии.

Универсальный аппарат существования и мир существования человека

Граница порядка существования дана сегодня специфически современным противоречием: массовый порядок создает универсальный аппарат существования, который разрушает мир специфически человеческого существования.

Жизнь человека как такового в мире определена его связью с воспоминанием о прошлом и с предвосхищением будущего. Он живет не изолированно, а как член семьи в доме, как друг в общении индивидов, как соотечественник, принадлежащий некоему историческому целому. Он становится самим собой благодаря традициям, позволяющим ему заглянуть в темные глубины своего происхождения и жить, ощущая ответственность за будущее свое и своих близких; погруженный на долгое время в субстанцию своей историчности, он действительно присутствует в мире, создаваемом им из полученного наследия. Его повседневное существование охвачено духом чувственно присутствующего целого, маленького мира, каким бы он ни был скудным. Его собственность – неприкосновенное тесное пространство, которое определяет его принадлежность к общему пространству человеческой историчности.

Технический порядок существования для обеспечения масс сначала еще сохранял эти действенные миры человека, снабжая их товарами. Но если в конце концов я ничего не стал бы больше создавать, формировать, передавать в действительно окружающем меня мире, а все поступало бы людям просто как средство удовлетворения сиюминутной потребности, только использовалось бы и обменивалось, само пребывание у себя получило бы машинный характер, не сохранился бы дух собственной среды, труд стал бы лишь выполнением данной на день задачи и ничто не поднялось более до уровня жизни, тогда человек утратил бы мир. Человек не может быть человеком, если он оторван от своей почвы, лишен осознанной истории, продолжительности своего существования. Универсальный порядок существования превратил бы существование действительного, живущего в своем мире человека просто в функцию.

Однако человек как отдельный индивид никогда не растворяется полностью в порядке существования, которое оставляет ему бытие только как функцию, необходимую для сохранения целого. Он может, правда, жить в аппарате благодаря тысячам связей, от которых он зависит и внутри которых он действует; но поскольку он там в своей заменяемости столь безразличен, будто он вообще ничто, он восстает, если уже ни в каком смысле не может быть самим собой. Если же он хочет свое бытие, он сразу же оказывается в состоянии напряжения между собственным бытием и подлинным самобытием. То, что есть просто его своеволие, сопротивляется, борясь и обманывая, и стремится в своей потребности в значимости и слепом желании преимуществ своего индивидуального существования. Только в качестве возможности самобытия он ищет в воле своей судьбы выходящий за пределы всех расчетов риск, чтобы достигнуть бытия. Исходя из обоих импульсов, он подвергает опасности порядок существования как покоящееся пребывание. Поэтому существует двойная возможность крушения этого порядка, его постоянная антиномия. Создавая пространство, в котором самобытие может реализоваться в качестве существования, своеволие является как бы телом этого порядка, который сам по себе знаменует его крушение, но в определенных условиях есть его действительность.

Следовательно, если своеволие и существование ищут свой мир, они впадают в противоречие с универсальным порядком существования. Он же пытается, в свою очередь, подчинить себе эти силы, которые грозят ему здесь на его границах. Поэтому он в значительной степени озабочен тем, что само по себе не служит обеспечению существования. Оно, двой-

ственное как собственное жизненное существование и как экзистенциальная безусловность, называется, будучи рассмотрено с точки зрения его *ratio*, иррациональным. Этим отрицательным понятием оно, правда, снижается до бытия второго ранга. Однако при этом оно либо допускается в определенных сферах, где, отвечая потребности контраста, *ratio*, оно обретает положительный интерес, например в эротике, в приключении, в спорте, в игре; либо рассматривается как нежеланное и преодолевается, например, в страхе перед жизнью, нерасположении к работе. И в обоих направлениях оно решительно уводится в область только жизненных интересов, чтобы заглушить дремлющее в нем притязание на экзистенцию. Тому, что желательно собственному существованию, стремятся способствовать в качестве необходимой потребности и лишить его возможной безусловности, рационализируя иррациональное, чтобы пользоваться им в случае необходимости как определенным способом удовлетворения потребности; хотят создать именно то, что, если оно не подлинно, никогда создать нельзя. Таким образом, то, что первоначально ощущалось и требовалось как другое, под предлогом заботы уничтожается; то, что подверглось технизации, обретает своеобразный серый цвет или яркую пестроту, в которых человек больше не узнает себя; бытие в человеке как индивидуальная судьба похищена. Однако как не допускающее подчинения оно обратится против тех структур, которые хотят его уничтожить.

Напряжение между универсальным аппаратом существования и действительным миром человека не может быть снято. Одно воздействует только через другое; если бы одна сторона окончательно победила, она сразу же была бы и сама уничтожена. Притязание своего и экзистенции так же не могут быть устранены, как в осуществленном массовом существовании необходимость универсального аппарата в качестве условия существования каждого индивида.

Поэтому границы порядка существования обнаруживаются там, где человек станет ощутимым как таковой. Планирующее преодоление и истоки возмущения будут попеременно встречаться, заблуждаться по поводу друг друга, находиться в плодотворном напряжении, начинать борьбу друг с другом. Эта многообразная возможность становится повсюду двойственной из-за напряжения между собственным существованием в его витальном желании и экзистенцией в ее безусловности.

В пояснении этой духовной ситуации будут затронуты сферы, где человек как отдельный индивид достигает своего существования, борется, ощущает самого себя. Символом мира, как исторической среды человека, в котором человек, пока он остается человеком, должен жить в каком-либо образе, является жизнь в доме. То, как он ощущает опасность, проявляется в страхе перед жизнью; то, как он, совершая ежедневно свою работу, себя чувствует, – в радости от труда; то, как он ощущает действительность своего существования, – в спорте. Но то, что он может погибнуть, становится очевидным в возможности отсутствия вождей.

Жизнь в доме

Дом как совместная жизнь семьи возникает из любви, которая на всю жизнь связывает индивида в безусловной верности с другими членами семьи; она хочет воспитывать своих детей в субстанциальности традиций и сделать возможным постоянное общение, которое способно осуществиться полностью в своей открытости только в повседневной трудности будней.

Именно здесь встречается самая прочная, служащая основой всему остальному человечность. В массе сегодня неведомая, эта изначальная человечность теперь рассеяна повсюду, полностью предоставлена самой себе и связана со своим маленьким мирком и его судьбой. Поэтому сегодня брак имеет более существенное значение, чем раньше; когда суб-

станция публичного духа была выше и служила опорой, брак значил меньше. В настоящее время человек как бы вернулся к узкому пространству своего происхождения, чтобы решить здесь, хочет ли он остаться человеком.

Если существует семья, ей нужен свой дом, свой жизненный уклад, солидарность и пиетет, возможность для всех полагаться друг на друга, и все они вместе служат друг другу опорой в семье.

Этот изначальный мир и сегодня сохраняется с неодолимой силой; но тенденции его разрушения растут с абсолютизацией универсального порядка существования.

Начиная с внешнего: стремление перевести человека на казарменное положение, превратить его жилище в место для ночлега, попытки полностью технизировать не только практическую его деятельность, но и всю жизнь — все это превращает одухотворенный мир в безразличную взаимозаменяемость. Силы, выступающие как бы в интересах большинства, целого, пытаются поддерживать себялюбие отдельных членов семьи, ослабить их солидарность, призывать детей восстать против отчего дома. Вместо того чтобы рассматривать публичное воспитание как углубление домашнего, его превращают в основное, причем очевидной целью служит стремление отнять детей у родителей, превратив их в детей государства. Вместо того чтобы с ужасом взирать на развод, полигамную эротику, абORTы, гомосексуализм как на выход за пределы исторического существования человека, которое он стремится создать и сохранить в семье, все это внутренне облегчается, иногда с фарисейским морализированием по поводу того, что это испокон веку осуждено, иногда безучастно принимается как нечто связанное с существованием массы в целом; или же абORTы и гомосексуализм бессмысленно и насильственно караются уголовным правом как мера государственной политики, к которой они, собственно говоря, никакого отношения не имеют.

Тенденции распада угрожают существованию семьи тем в большей степени, что ей приходится складываться из бытия отдельных индивидов, которое еще сопротивляется распаду, который несет поток универсального порядка существования. Поэтому в настоящее время в браке заключена потрясающая проблематика человеческого бытия. Невозможно предвидеть, сколько людей, изначально неспособных справиться со стоящей перед ними задачей, потеряв опору в публичном и авторитарном духе, падают в пропасть с того острова, владение которым связано с их самобытием, и создают смешение дикости и неспособности владеть собой. К этому прибавляется трудность, связанная с браком из-за экономической самостоятельности женщины, громадное число незамужних женщин, которые могут быть использованы для удовлетворения сексуальной потребности. Брак стал в значительной степени только контрактом, нарушение которого влечет за собой в качестве конвенционального наказания отказ предоставлять содержание. Потеря устоев ведет к требованию облегчить развод. Бесчисленное множество книг, посвященных проблемам брака, свидетельствует о создавшемся положении.

Идея универсального обеспечения направлена на то, чтобы привести в порядок то, что доступно только отдельному человеку в его свободе, который может исходить из первоначального содержания своего сформированного воспитанием бытия. Поскольку эротика стала препятствовать всем связям, рациональный порядок овладевает и этой опасной иррациональностью. Гигиена и различные предписания технизируют и ее, чтобы сделать наиболее удовлетворяющей и устранить возможные конфликты. Сексуализацию брака, например, по типу, предложенному Ван де Вельде, следует рассматривать как симптом времени, стремящегося сделать безвредным то, что иррационально с его точки зрения. Не случайно в проспектах эту книгу рекомендуют даже католические теологи-моралисты. Этос выраженной в браке безусловности произвольно в корне отрицается как религиозным снижением брака до существования второго сорта, которое лишь благодаря церковной легитимации не является развратом, так и технизацией эротики в качестве опасной иррациональности. То

и другое бессознательно заключают союз против любви как силы, служащей основанием браку, не нуждающейся в легитимации, поскольку ей по ее экзистенциальному происхождению присуща определяющая жизнь верность, допускающая, быть может, лишь на мгновения счастье эротики. Любовь, уверенная в себе лишь благодаря свободе ее экзистенции, устранила в себе эротику, не снижая ее, но и не признавая ее чувственные требования. Идеалом гармонической технизации она была бы уничтожена для того, кто принимает эти разумные средства и масштабы. Но она не позволяет и подчинить себя в своей безусловности универсальному порядку, который намеревался бы сломать ее во имя предполагаемого существенного целого.

Если я отказался от семейных связей и самобытия, вместо того чтобы вырасти из их корня в некое целое, я могу жить лишь в ожидаемом, но всегда отсутствующем духе целого. Взирая на универсальный порядок существования, я хочу всего достигнуть с его помощью, предав мой собственный мир и связанные с ним притязания. Если я больше ни в чем себе не доверяю, если я живу только общими интересами класса и только как функция производства стремлюсь лишь туда, где, по моему мнению, сконцентрирована сила, то семья разрушается. Достижимое лишь целым, не снимает притязания взять на себя то, на что я способен, исходя из своих истоков.

Таким образом, границей универсального порядка существования служит свобода индивида, который должен своими силами создавать то, чего никто его лишить не может, ибо в противном случае прекратится существование людей.

Страх перед жизнью

Вместе с феноменальными успехами рационализации и универсализации порядка существования утвердилось сознание грозящего крушения вплоть до страха утратить все то, ради чего стоит жить.

Однако еще до осознания возможности этого ужасного будущего отдельного человека как такового охватывает страх, вызванный тем, что он не может жить оторванным от своих истоков, ощущая себя просто функцией. Современного человека постоянно сопровождает такой никогда ранее неведомый жуткий страх перед жизнью. Он боится утратить свое витальное бытие, которое, находясь под постоянной угрозой, находится более чем когда-либо в центре внимания; и совсем по-иному он боится за свое самобытие, до которого ему не удастся подняться.

Страх распространяется на все. Он усиливает неуверенность, если о ней не удастся забыть. Существование может защитить человека от забот лишь без гарантий. Жестокостей, совершаемых раньше скрытно, стало меньше, но о них знают, и они представляются страшнее, чем когда-либо. Каждый человек должен, чтобы выстоять, напрячь свою рабочую силу до предела; постоянно возникает беспокойство, вызванное требованием работать еще интенсивнее; ведь известно, что тот, кто не успевает за другими, будет отброшен; люди, которым больше сорока лет, ощущают себя вытолкнутыми из общества. Существуют, правда, обеспечение, страхование, возможность сбережений; однако то, что соответственно современным масштабам считается необходимым минимумом для существования, не обеспечивается государственной и частной предусмотрительностью и всегда оказывается ниже требуемого уровня, хотя человек и не умирает с голоду.

Страх перед жизнью обращается и на тело. Несмотря на увеличивающиеся шансы на долгую жизнь, господствует все увеличивающаяся неуверенность в жизнеспособности. Потребность во врачебной помощи выходит далеко за рамки осмысленной медицинской науки. Если существование более не поддерживается душевными силами, становится невы-

носимым в невозможности даже постигнуть его значение, человек устремляется в свою болезнь, которая как нечто обозримое охватывает его и защищает.

Страх усиливается в сознании неизбежности исчезнуть как потерянная точка в пустом пространстве, ибо все человеческие связи значимы лишь во времени. Связывающая людей в сообществе работа продолжается лишь короткое время. В эротических связях вопрос об обязанностях даже не ставится. Ни на кого нельзя положиться, и я также не ощущаю абсолютную связь с другим. Кто не участвует в том, что делают все, остается в одиночестве. Угроза быть брошенным создает ощущение подлинного одиночества, которое выводит человека из состояния сиюминутного легкомыслия и способствует возникновению цинизма и жестокости, а затем страха. Существование как таковое вообще превращается в постоянное ощущение страха.

Принимаются меры, чтобы заставить людей забыть о страхе и успокоить их. Организации создают сознание сопричастности. Аппарат обещает гарантии. Врачи внушают больным или считающим себя больными, что им не грозит смерть. Однако это помогает лишь на время, пока человек благополучен. Порядок существования не может изгнать страх, который ощущает каждое существо. Страх подавляется лишь страхом экзистенции за свое самобытие, заставляющим человека обращаться к религии или философии. Страх жизни должен расти, если парализуется экзистенция.

Полное господство порядка существования уничтожило бы человека как экзистенцию, не успокоив его как витальное существование. Более того, именно абсолютизированный порядок существования создает непреодолимый страх перед жизнью.

Проблема радости труда

Минимум самобытия заключается в радости, доставляемой трудом, без чего человек, в конце концов, теряет всякие силы. Поэтому сохранение данного ощущения составляет основную проблему технического мира. На мгновение важность ее постигается, но вместе с тем о ней забывают. На длительное время и для всех она неразрешима.

Повсюду, где человеку лишь предоставляется работа, которую ему надлежит выполнить, проблема бытия человека и бытия в труде является решающей для каждого. Собственная жизнь обретает новый вес, радость труда становится относительной. Аппарат навязывает все большему числу людей эту форму существования.

Однако для существования всех необходимы и такие профессии, где невозможно гарантировать работу в ее сущностных аспектах посредством задания и объективно измерить фактическое его выполнение. То, что делает врач, учитель, священник и т. п., нельзя рационализировать по существу его деятельности, так как это относится к экзистенциальному существованию. В этих профессиях, служащих человеческой индивидуальности, результатом воздействия технического мира явился, несмотря на рост умения специалистов и расширения их деятельности, упадок практического применения их профессий. Массовый порядок неизбежно требует, правда, рационализации в наличии материальных средств. Однако то, до каких пределов эта рационализация доходит, а затем сама себя ограничивает, чтобы оставить свободным пространство, где индивид выполняет свои обязанности без предписания, из собственных побуждений, становится для этих профессий решающим. Здесь радость труда вырастает из гармонического сочетания бытия человека с деятельностью, которой он отдает все свои силы, так как речь здесь идет о целом. Эта радость уничтожается, если целое делится универсальным порядком на частичные действия, совершение которых полностью превращается во взаимозаменяемую функцию. Целостность идеи распалась. То, что требовало применения всей своей сущности в длительно протекающей деятельности, теперь совершается посредством простой отработки. В настоящее время сопро-

тивление человека, борющегося за подлинное выполнение своего профессионального долга, еще рассеянно и бессильно; оно кажется неудержимым падением.

Примером может служить изменение во врачебной практике. В медицине наблюдается рациональное обслуживание больных, специальное наблюдение в институтах, болезнь делится на части, и больной передается в различные медицинские инстанции, которые переправляют его друг другу. Однако именно таким образом больной лишается врача. Предпосылкой служит мнение, что и лечение – дело простое. Врача в поликлинике приучают к любезности, личное доверие к врачу заменяют доверием к институту. Но врача и больного нельзя ввести в конвейер организации. Правда, скорая помощь при несчастных случаях действует, но жизненно важная помощь врача больному человеку во всей продолжительности его существования становится невозможной. Огромное предприятие по врачебной деятельности все более находит свое выражение в учреждениях, бюрократических инстанциях, материальных успехах. Склонность большинства пациентов ко все новым способам лечения какого-либо заболевания совпадает со стремлением к организации у технически мыслящих массовых людей, которые с ложной, обычно основанной на политических соображениях патетикой обещают всем даровать здоровье. Заботу об индивиде вытесняет деятельность технически оборудованных медицинских специальностей. Если этот путь будет пройден до конца, то тип действительно сведущего в вопросах воспитания и науки врача, который не только говорит о личной ответственности, но и ощущает ее и поэтому может курировать лишь небольшое число людей и помочь им, находясь в историческом единении с ними, по-видимому, вымирает. Вместо преисполненной человечности профессии выступает радость технически выполненного задания при разделении самобытия и бытия труда, которое для многих видов деятельности неизбежно, но здесь уничтожает само деяние. Однако граница этой системы медицинского обслуживания неизбежно наталкивается на свой предел. Государственная организация медицины начинает страдать от злоупотреблений. Максимальное использование возможных предоставляемых государством преимуществ совращает и пациентов, и врачей; возникает тенденция к заболеваемости, чтобы пользоваться этими преимуществами, стремление принять наибольшее число пациентов как можно быстрее, чтобы в сумме незначительных гонораров получить приемлемую выручку. Этому злоупотреблению пытаются препятствовать посредством законов и контроля, которые, однако, лишь еще более разрушительно действуют на медицинскую практику. Но прежде всего следует заметить, что действительно больной человек все меньше может доверять основательности, разумности и ясности лечения единственным, уделяющим ему полное внимание врачом. Больной больше не находит то, на что он вправе надеяться, если настоящих врачей больше не существует, ибо аппарат, который пытался использовать их в массовом порядке, сделал действительность их практики невозможной.

Примеры других профессий также свидетельствуют о повсеместной угрозе их сущности. Принцип уничтожения радости от профессионального труда заключен в границах порядка существования, который не может создать, но вполне может уничтожить то, что ему необходимо. Отсюда глубокая неудовлетворенность человека, лишенного своих возможностей, – врача и больного, учителя и ученика и т. д. Несмотря на интенсивную, едва ли не превышающую силу работу, сознание подлинного ее выполнения отсутствует.

Все безудержнее то, что может существовать только как личная деятельность, превращается в предприятие, чтобы достигнуть смутной цели коллективными средствами, полагая, что массу можно удовлетворить как некую стоящую выше отдельных людей личность. Идея профессий отмирает. Сохраняются частные цели, планы и организации. Самое непонятное состоит в том, что же уничтожено, если учреждения, как таковые, находятся технически в безупречном порядке, а человек, который хочет быть самим собой, все-таки не может в этих условиях дышать.

Спорт

Самобытие как жизненная сила находит выход в спорте как остатке возможного удовлетворения непосредственного существования в дисциплине, пластичности, ловкости. Подчиненная воле телесность убеждается в своей силе и своем мужестве; открытый силам природы индивид обретает близость к миру в его элементах.

Однако спорт как массовое явление, организованный в виде обязательной, подчиненной правилам игры, направлен на то, чтобы отвести в иную сферу инстинкты, которые могут стать опасными для аппарата. Заполняя свободное время, спорт служит успокоению масс. Воля к проявлению жизненной силы в виде движения на воздухе и на солнце ищет для такого наслаждения своим существованием общества; тогда спорт теряет свою связь с природой и лишается плодотворного одиночества. Желание борьбы требует величайшей ловкости, чтобы ощутить в соперничестве свое превосходство; целью становится рекорд. Участники в спорте ищут в своем сообществе публичности, им необходимы оценка и успех. В правилах игры заключена форма, которая учит и в действительной борьбе придерживаться правил, облегчающих общественное существование.

То, что недоступно массе, чего она не хочет для самой себя, но чем она восхищается как героизмом, которого она, собственно говоря, требует от себя, показывают смелые свершения других. Альпинисты, пловцы, летчики и боксеры рискуют своей жизнью. Они являются жертвами, лицезрение которых воодушевляет, пугает и умиротворяет массу, и которые порождают тайную надежду на то, что и самому, быть может, удастся достигнуть когда-либо чрезвычайных успехов.

Возможно, что этому сопутствует и то, что привлекало массу уже в цирке Древнего Рима: удовольствие, испытываемое от опасности и гибели далекого данному индивиду человека. Подобно экстазу при виде опасных спортивных достижений, дикость толпы проявляется в чтении детективов, горячем интересе к сообщениям о ходе судебных процессов, в склонности к необузданному, примитивному, непонятному. В ясности рационального существования, где все известно или может, безусловно, стать таковым, где нет больше судьбы и остается лишь случайность, где целое, несмотря на всю деятельность, остается безгранично скучным и совершенно лишенным тайны, человек, полагая, что он лишен судьбы, связывающей его с глубинами тьмы, стремится, по крайней мере, к лицезрению эксцентрических возможностей, и аппарат заботится об удовлетворении этой потребности.

Во что вследствие таких массовых инстинктов превращается спорт, отнюдь не объясняет явление современного человека в спорте. Вне организованного занятия спортом, в котором зажатый в производственном механизме человек ищет лишь эквивалент непосредственного самобытия, в этом движении все-таки ощущается известное величие. Спорт – не только игра и рекорд, он также порыв и напряжение сил. Сегодня он – как бы требование, обращенное к каждому. Даже отличающееся утонченностью существование отдается его естественной импульсивности. Часто современный спорт сравнивают с античными играми. В те времена спорт был подобен косвенному сообщению о себе выдающегося человека в его божественном происхождении; теперь об этом не может быть и речи. Правда, современные люди также хотят представлять собой нечто, и спорт становится мировоззрением; люди стараются избавиться от судорожного напряжения и стремятся к чему-то, но связанная с трансцендентностью субстанция здесь отсутствует. Тем не менее, как бы вопреки окаменевшей современности, этот порыв существует, хотя нежеланный и лишенный общего содержания. Человеческое тело создает свое право в такое время, когда аппарат без всякого снисхождения уничтожает человека. Вокруг спорта царит нечто, несравнимое с античностью в своей историчности, все-таки родственное ей, хотя и нечто иное. Современный человек, конечно,

не становится греком, но он и не фанатик спорта; он представляется караемым в существовании человеком, которому грозит опасность, как в постоянной войне, и который, устояв под почти невыносимым бременем, бросает копье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.